

АЛЕКСЕЙ ГРЕБИНЯК

ПАРНИ ИЗ КАРГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Гребиняк

Парни из Карго

«Автор»

2020

Гребиняк А. В.

Парни из Карго / А. В. Гребиняк — «Автор», 2020

Наши дни. Экипажу русского грузового самолета по прозвищу «Веселый Роджер» ставится нелегкая задача – доставить на высокогорный аэродром Катманду надувной домкрат для эвакуации выкатившегося накануне пассажирского лайнера. Ситуация осложняется тем, что часть взлетно-посадочной полосы заблокирована тем самым лайнером. И это только начало целой цепочки их приключений. Будет сложно оставаться хладнокровным, когда мир вокруг тебя буквально рушится, а твой самолет остается единственным средством спасения – но другого выбора судьба экипажу «Веселого Роджера» не оставит. Содержит нецензурную брань.

© Гребиняк А. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

От автора.	5
Глава 1. Воздушными дорогами	6
Глава 2. Срочная доставка	13
Глава 3. Горными тропинками	21
Глава 4. Огни Бенгалии.	29
Глава 5. Танцы с бубном.	35
Глава 6. Хвостик.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алексей Гребиняк

Парни из Карго

От автора.

Как писал Иосиф Бродский в стихотворении «Генералу Z», «... для переживших великий блеф жизнь оставляет клочок бумаги».

Настал и у меня однажды день, когда жизнь положила передо мной лист бумаги и сказала: пиши! И я стал писать. О людях и самолетах, о путешествиях и приключениях. Что-то в этой книге вымышлено. Но у всех людей, самолетов, событий были реальные прототипы. Кое-кого из участников описанных событий я знал лично. Впрочем, все совпадения, конечно, случайны.

Музыка многое для меня значит. Она создает определенное настроение, иногда удачно оттеняя развитие ситуации. Не поленитесь – для создания нужной атмосферы найдите упомянутые в тексте композиции и прослушайте, пока читаете.

Добро пожаловать на борт. Пристегнитесь, и приятного вам полета на грузовом самолете через горы и моря!

Глава 1. Воздушными дорогами

Вопреки уверениям второго пилота, экватор планеты вовсе не был отмечен цепью бுவ с красными огоньками, протянутой поперек моря. Пустынную поверхность океана неспешно пересекали несколько ползущих в разных направлениях разномастных контейнеровозов и танкеров. Солнце погружалось в красные воды океана, почти прямо по курсу. На островах внизу уже смеркалось, но здесь, на высоте в десять тысяч метров, все еще царил день – даром, что часы показывали семь пятнадцать вечера. И, если не смотреть на приборы, то было бы и непонятно, что лайнер уже в северном полушарии, а не в южном.

Белоснежный транспортный самолет с ярко-красной надписью «**FIREBIRD CARGO**» вдоль фюзеляжа легко скользил между оранжевых, розовых, фиолетовых, желтых облаков, похожих на причудливой формы горы. В темнеющих просветах между ними далеко внизу виднелась морская гладь. Два реактивных двигателя, закрытых блестящими оранжевыми капотами, уверенно тянули груженую машину к далекому Сингапуру, где экипажу предстояла ночевка. За день они уже почти успели пересечь Индонезию, и всем теперь хотелось поскорее отужинать, да поспать часов шесть-семь. А потом должен был последовать еще один полет – к месту разгрузки, в Дакку, столицу Бангладеша.

Позади пилотской кабины располагалась кухня, выкрашенная в белый цвет и залитая желтоватым светом потолочных светильников. Была она крохотной – всего несколько квадратных метров, зажатых между кабиной и грузовым отсеком. Слева от входа в кабину располагался туалет, справа – столик, под которым находились контейнеры для провизии (а над ним – духовка и чайник). Задняя стенка кухни представляла собой защитный барьер – толстую стальную плиту, отделявшую грузовой отсек от носовой части фюзеляжа и страховавшую экипаж от пожара или смещения груза. Вплотную к этому барьеру стояли в рядок три обычных пассажирских самолетных сиденья с поднимающимися подлокотниками. Две двери – по одной в каждом борту – вели из кухни наружу. В каждой из них был установлен маленький – с чайное блюдце – иллюминатор. На левой двери его перечеркивал оранжевый ремешок, под которым грозные надписи красными буквами предупреждали о том, что эта дверь оборудована автоматически надувающимся при открытии аварийным трапом. Последняя же дверь – самая маленькая – вела через защитный барьер в грузовой отсек. В ней тоже был установлен иллюминатор для визуального контроля происходящего в отсеке. На этой двери кто-то в шутку в свое время нарисовал по трафарету пиратский флаг с черепом и костями, отчего самолет быстро получил прозвище «Веселый Роджер» (благодарно принятое всеми его экипажами и ставшее фирменным его названием в компании, помимо сухого официального имени «Оскар», данного по последней букве бортового номера¹).

Бронированная дверь в кабину пилотов была открыта и зафиксирована стопором, так что кухня казалась немного просторнее. Здесь коротали время два члена экипажа в серых рабочих комбинезонах со множеством карманов и с нашивками в виде русского триколора на левых руках. Двадцатисемилетний бортоператор Саша, темноволосый худощавый парень со скуластым лицом и голубыми глазами, читал исторический роман, сидя в кресле и попутно жуя бутерброд, а инженер Эдик, выбритый налысо тридцатипятилетний зеленоглазый и круглолицый здоровяк, уплетал баранину с тушеными овощами, стоя у столика.

– Куда мы после Дакки-то летим? – спросил Эдик, выбросив разовую касалетку из фольги в контейнер для мусора, располагавшийся под столиком.

¹ Бортовые номера воздушных судов, имеющих иностранную регистрацию, нередко состоят из одних только букв латинского алфавита.

– В Индию, порожняком, оттуда – в Москву с грузом, – отозвался Саша. – Пока решают, в какой аэропорт, клиент не определился, откуда ему удобнее везти.

– В Дакке бывал раньше?

– Был пару раз. Кормежка неплохая, но специй многовато. Потом неделю воешь в сортире. А вода местная – отравка, свою с борта бери в отель.

У Саши (в чьи задачи входили погрузка-разгрузка самолета, подготовка груза, заказ отеля, транспорта, питания и обеспечение всех бумажных дел в рейсе) было три градации качества еды: «хреново», «неплохо» и «прекрасно». Саша был гурманом – что, однако, никак не сказывалось на его поджарой фигуре.

– Так от специй молоко помогает, – авторитетно заявил Эдик, наливая себе в стакан воды. – Кстати, у нас оно закончилось.

– Согласен, – кивнул Саша и достал из нагрудного кармана блокнот с присоединенным к нему веревочкой карандашом. – Дозакажем в Сингапуре.

Последний свет уходящего дня, пробившиеся вдруг через иллюминатор входной двери, высветили оранжевый солнечный зайчик на переборке. Из туалета вышел коротко стриженный и тщательно выбритый кареглазый крепыш в кедах, шортах и белой футболке – второй пилот Миша, ровесник Саши и обладатель самой волевой челюсти среди всех пилотов компании. За ним на кухню потянулся легкий, еле уловимый запах табачного дымка. Несмотря на то, что на двери туалета было написано грозное «**NO SMOKING!**²», курить все ходили именно туда – датчик дыма там не работал уже с полгода.

– Приятного аппетита! – пожелал Миша. – Что сегодня на обед?

– Мерси! Все, как заказывали, – отозвался Саша и, сняв очки, потер уставшие глаза. – Тебе сочный бургер, Бате бараньи ребрышки с картофелем. Ну, и ланчбоксы каждому, как обычно.

– Превосходно, – улыбнулся, потирая руки, Миша и ушел в кабину, чуть пригнувшись, чтобы на входе не врезаться лбом в ее верхние панели с множеством переключателей. Кабина пилотов была лишь чуть менее тесной, чем кухня. Зато с хорошим обзором в три направления.

Капитан – он же Дмитрий Львович, сорокапятилетний элегантный голубоглазый брюнет с аккуратной щетиной – был одет неброско: пляжные пестрые шорты, синие кеды на босу ногу, белая футболка со стилизованным силуэтом самолета и надписью «*Will Fly For Food*»³. Он как раз закончил пристраивать ламинированные чек-листы из плотной бумаги к лобовому стеклу, отгораживаясь от бьющих прямо в глаза лучей солнца, и нажал кнопку связи на штурвале:

– Джейтаун-Контроль, добрый вечер! «Жар-Птица» девять ноль ноль семь, прошел точку BAVLO, следую на ЗАКАТ.

На жидкокристаллическом дисплее перед ним затейливо извивалась розовая линия, соединявшая несколько навигационных точек, разбросанных между хаотичных зеленых, желтых и красных пятен. Каждая точка была обозначена кодом из пяти букв латинского алфавита, иногда случайно складывавшихся в более-менее осмысленные слова, а чаще – нет. Это и был маршрут их самолета, проложенный в обход наиболее опасных метеоявлений и высоких горных пиков вдоль побережья, которые на дисплее обозначались разноцветными пятнами – красными, желтыми, зелеными.

– Понял Вас, «Жар-Птица», – отозвался издали диспетчер, – разрешаю направление на RAPSI, проход точки доложить.

– Конец связи.

² «Не курить!» (англ.).

³ «Буду летать за еду» (англ.).

Двигатели ровно шумели, поглощая топливо – по тонне в час каждый. Борт иногда потряхивало в турбулентности. Второй пилот поудобнее устроился в кресле и застегнул привязной ремень:

– I have control⁴.

– Не возражаю. На RAPSI спрямляй. Ты дом достроил уже? – спросил Львович, отметив в плане полета остаток топлива. Миша тем временем скорректировал курс в памяти бортового компьютера. Самолет плавно лег на крыло, доворачивая к северу в соответствии с пересчитанным маршрутом.

– Строю, Дмитрий Львович. Крышу делают сейчас. А что?

– Посоветоваться хотел...

– Отцы-командиры, соргу! Галю дернем? – сунулся с кухни Эдик. – Чаю с кофе охота!

– Дернем, – отозвался второй пилот, поднимая руку и щелкая переключателем Galley на верхней потолочной панели, где теснились предохранители и вспомогательные тумблеры. Без этого не включились бы ни печка, ни чайник. На взлете и посадке кухню отключали от генераторов электрического тока, чтобы снизить нагрузку на них (мало ли откажет двигатель, а с ним и один из генераторов). А в горизонтальном полете – включали по необходимости.

– Благодарствую! – инженер исчез, и с кухни в кабину донеслось журчание воды, лившейся из бутылки в металлический чайник. Затем звонко лязгнула крышка, и вдруг заиграла музыка:

Ученый посмотрел на небесные дали – и тело придумал мое.

Конструктор исполнил идею в металле: штамповка, илифровка, литье.

Ракета летела туда куда надо: посадка, команда "Вперед!"

Надежда народа, планеты отрада, по трапу сошел луноход.

Кто по заданию мудрых людей прыгает в Море Дождей?

– Саня, опять балуешься? – крикнул Батя через плечо.

«Веселый Роджер» в прошлой своей жизни был пассажирским самолетом, который после пятнадцати лет полетов переделали в грузовой (убрав пассажирские сиденья, прорезав в левом борту здоровенный грузолок, усилив стальными балками пол и установив в получившемся грузовом отсеке роликовые дорожки, по которым перекачивались грузовые контейнера и паллеты). По странной прихоти инженеров, при конвертации самолета в грузовик на его кухне оставили динамик и магнитофон для объявлений по громкой связи, проигрывавшей обычные аудиокассеты. Прознав об этом, экипажи натащили на борт множество кассет с разной музыкой и иногда от скуки слушали ее даже в полете.

– Балуюсь, Дмитрий Львович.

– Погромче тогда сделай, что ли!

– Слушаюсь, мой капитан!

Снятся ночами им луноходы, большие не могут терпеть.

Я понимаю их яркие грезы, но все же работа важней.

Вытрите, девушки, горькие слезы, много хороших парней.

Кто всех на свете сильней и умней, прыгает в Море Дождей? ⁵

– Так что хотели спросить, Дмитрий Львович? – поинтересовался Миша.

– Ты крышу чем крыл, если не секрет?

⁴ «Я взял управление» (англ.).

⁵ Песня «Луноход» группы «Манго-Манго».

– «Жар-Птица» девять ноль ноль семь, снижайтесь, эшелон⁶ триста двадцать, – сказал вдруг по-английски динамик радиостанции.

– Принял, «Жар-Птица» девять ноль ноль семь, – второй пилот подкрутил колесико на приборной панели, задавая автопилоту нужную высоту полета, и самолет плавно пошел на снижение, чтобы занять назначенную ему высоту в тридцать две тысячи футов⁷. Стремительно смеркалось, но на западе, там, где закатилось за горизонт солнце, еще тлела заря, выхватывая из темной синевы светло-голубой лоскут неба. – Проект надо смотреть, так не помню навскидку. Могу на планшете глянуть, как до отеля доедем.

– Добро. А то мне как раз проект делают. Хочу сравнить.

– Сделаем, конечно.

– Гран мерси!

– Чай, кофе, круассаны! Чай, кофе, круассаны! – пародируя пляжных торговцев, пробасил с кухни Эдик.

– Я чай буду, – отозвался Львович.

– А я кофе, – решил Миша.

– Два сахара, без молока? – осведомился инженер.

– Да, пожалуйста.

– Прошу! – Эдик вскоре появился в кабине с подносом, на котором стояли два стакана с напитками и лежали на заботливо расстеленных бумажных салфетках два разогретых в печке сэндвича с сыром и ветчиной. – Угощайтесь.

– Ай, спасибо, дай бог тебе здоровья и бабу покрепче, – крикнул Львович и забрал стакан. – Миша, ну, что, по стаканчику – и брифинг?

– Поддерживаю!

– Приятного!

Потрапезничали, обсудили порядок снижения и действий в нестандартных ситуациях. Когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, и настала ночь – транспортник влился в воздушную карусель над Сингапуром. В темном небе тут и там вспыхивали навигационные огни десятков самолетов – небольших бизнес-джетов, грузных пассажирских лайнеров, грузовиков и даже крошечных частных самолетиков на три-четыре пассажира. Кто летел из далекого Нью-Йорка, кто с соседнего острова – все выстраивались в очередь и заходили на посадку, повинувшись командам диспетчеров, следивших за самолетами с вышки при помощи локатора. К приземлявшимся самолетам присоединялись те, кто взлетал из той же воздушной гавани, или соседнего аэропорта, так что в небе над морем и сушей постоянно висел не один десяток бортов, и лишь внимательность и опыт диспетчеров позволяли безопасно развести потоки летающих машин.

Эдик разместился на откидном сиденье позади пилотов, – ему хотелось посмотреть на ночной Сингапур во время посадки. Саша остался в пассажирском кресле на кухне. Свет там пилоты приглушили, чтобы он не мешал им, отчего читать стало невозможно – поэтому бортоператор отложил книгу и воткнул в правое ухо наушник плеера. Левое ухо он оставил свободным, чтобы слышать команды Львовича, если пилотам вдруг понадобится какая-то помощь, или прозвучит какая-то команда – приготовиться к аварийной посадке, например. Маловероятно, но – мало ли.

В наушнике звучала одна из его любимых песен:

И от тусклых картин мне ни холодно, ни жарко,

⁶ В авиации – условная высота, отстоящая от других высот на определенные интервалы. Эшелонирование позволяет создать интервалы между воздушными судами по высоте и расстоянию.

⁷ Эшелон 320 = 32000 футов. Ну, или 9750 метров, если так удобнее.

*Твой фонарик прорезал мне путь в темноте.
Пусть не чувствую горя, не чувствую счастья,
Всё осталось в тумане, забыто на дне.*

И после роскошной переключки синтезатора со скрипкой – финальный взрыв:

*От касаний твоих у меня лихорадка,
В старом парке в тумане на Тихом холме.
Ты подходишь ко мне, озираясь с опаской,
Этот взгляд мне знаком и приятен вдвойне.⁸*

С точки зрения Саши, снижение пока отличалось от горизонтального полета разве что чуть более энергичными маневрами вправо-влево, да один раз хрустнула, сминаясь под невидимым кулаком атмосферного давления, пластиковая бутылка с остатками воды, когда самолет разгерметизировался, и давление в кабине сравнялось с забортным. Видимость с пассажирских кресел на кухне и днем-то была никакой, а сейчас во мгле и глазу и не зацепиться было пока за горизонт, и развороты Львович закладывал плавные и размашистые – так что организм не успевал воспринять их и сообщить мозгу, что пол кабины накренился.

Капитан переключил радио с наушников на внешние динамики, поэтому Саша все же слышал с кухни весь англоязычный радиообмен между диспетчерами на земле и пилотами других бортов. Что-то даже успевал разобрать в разноголосых скороговорках с разными акцентами:

– «Жар-Птица» девять ноль ноль семь, эшелон перехода семьдесят, снижайтесь эшелон ноль шестьдесят.

– Принял, «Жар-Птица» девять ноль ноль семь.

– ВПП⁹ двадцать семь, посадку разрешили, Катай Пасифик четыре пять ноль.

– Сингапур Карго, взлет, по схеме «Галф ноль шесть Ромео» набираем три тысячи футов.

Наконец, после ряда разворотов и смен эшелонов с высоких на более низкие транспортник снизился до нужной высоты и вышел на предпосадочную прямую. Под крыльями его ярко сияли огни ночного города. Полоса – яркая черточка, все увеличивающаяся в размерах, – лежала впереди и ниже. Далеко за ней, в море, мерцали огоньки стоящих на якоре сухогрузов и танкеров.

– Выпустить шасси.

– Шасси выпущены, – Миша перевел рычаг уборки в нижнее положение, и тотчас зашумел возмущаемый выпускаемым шасси воздух. Стойки со стуком встали на замки, надежно зафиксировавшись, чтобы принять на себя весь вес самолета, когда он коснется планеты. Полоса уже была так близко, что видны стали отдельные огни вдоль нее, убегающие вдаль.

– Десять... восемь... пять... три... – отсчитал в кабине последние метры голосовой информатор. Колеса с ощутимым ударом коснулись взлетно-посадочной полосы. Обжав стойки, транспортник налег на планету всеми своими шестьюдесятью тоннами максимальной посадочной массы¹⁰.

⁸ Песня «На тихом холме» российской рок-группы «Мария-Режина».

⁹ Взлетно-посадочная полоса.

¹⁰ У любого летательного аппарата есть максимальная взлетная масса (с которой он может взлететь) и максимальная посадочная (с которой он может безопасно приземлиться). Посадка с превышением максимальной посадочной массы возможна, но является весьма специфическим мероприятием, требующим обследования конструкции воздушного судна в связи с возможными повреждениями. Взлет же с превышением максимальной взлетной массы недопустим, хотя и глубоко теоретически возможен при некоторых условиях. Фактическая взлетная масса может еще и снижаться относительно

– Реверс.

– Есть реверс, – сдвинул Миша маленькие рычажки, расположенные прямо на рычагах управления двигателями.

Спустя мгновение раскрылись ковши реверса, и двигатели надсадно зашумели, отбрасывая воздух вперед и замедляя бег многотонной машины. Ремни всех четверых членов экипажа слегка натянулись – инерция потащила их тела вперед. Понемногу самолет сбросил скорость, Миша закрыл створки реверса, и двигатели заработали тише.

– Сто двадцать... Восемьдесят... шестьдесят...

Львович стал плавно притормаживать обычными колесными тормозами. Огни полосы уходили назад все медленнее.

– ...пятьдесят... сорок... – продолжал отсчитывать вслух второй пилот.

– «Жар-Птица» девять ноль ноль семь, добрый вечер, следуйте на стоянку тридцать пять Альфа по рулежной дорожке Bravo-четыре, пересечение Альфа-шесть доложить, – скороговоркой произнес диспетчер.

– Добрый вечер, «Жар-Птица» девять ноль ноль семь принял, – такой же скороговоркой ответил второй пилот.

«Веселый Роджер» свернул с полосы на рулежную дорожку, обозначенную светящейся табличкой «B4», и еще долго катил мимо залитого огнями пассажирского терминала и длинного здания грузового склада, изредка останавливаясь, чтобы пропустить выходящие на вылет самолеты. Потом повернул еще раз и остановился на стоянке на самом краю поля, напротив светящегося знака «35A» с желтой табличкой, на которой были нанесены широта и долгота стоянки. Судя по ним, до южного полушария от столба оставалось всего ничего.

Над портом, пробившись через яркий свет фонарей, мерцали южные созвездия. Вокруг залитой светом стоянки, обозначенной на перроне красным восьмиугольником, стояли различное техника и оборудование – источник наземного питания (проще говоря, генератор электрического тока), большие огнетушители, тележки для грузов и даже небольшой тягач.

– Можно открывать! – крикнул капитан, когда двигатели стихли. Только шумела в хвосте вспомогательная силовая установка, обеспечивавшая пока самолет электричеством. Саша поворотом рычага на двери перевел аварийный трап в режим «Земля» и повернул второй рычаг, одновременно толкая массивную тяжелую створку наружу. В кабину тотчас хлынул жаркий влажный воздух.

Трап уже стоял у борта, и по нему, гулко топая тяжелыми ботинками, поднялся грузный бородатый малаец в синих брюках и оранжевой футболке со светоотражающими полосами.

– Хелло, парни! Кто у вас старший?

На груди у толстяка болтался пропуск на ярко-зеленой ленточке с надписью «*Скай Хэндлинг*¹¹ Сервис».

– Привет! Я, – отозвался Саша.

– Сантьяго! – представился малаец. – Чем можем помочь вам, сэр?

– Алекс, – шутливо поклонился в ответ Саша и протянул агенту лист бумаги. – Примите, пожалуйста, заказ питания. Мы вылетаем завтра в восемь тридцать зулу, питание просим привезти в семь сорок пять.

Словом «зулу» обозначали время по Гринвичу (расположенному на нулевом меридиане). Во всем мире авиаторы отсчитывали время от Гринвича. Так было проще, чем постоянно переводить часы при смене часовых поясов.

– Ясно. Грузить что-то будете у нас?

максимальной для конкретных условий рейса – возвышение над уровнем моря, тяга двигателей, температура воздуха, и так далее.

¹¹ «Хэндлинг» в авиации означает наземное обслуживание воздушных судов, пассажиров и грузов.

– Весь наш груз – транзитом в Дакку. Только заправимся. Нам потребуется... Эдик, остаток топлива какой, не подскажешь?

– Пять тонн.

– Ну, значит, тонн двадцать плеснем утром. Я поточнее утром сообщу, как рассчитают флайт-план.

– Годится. Ваш автобус у трапа, он довезет вас в терминал, и он же вас встретит после паспортного контроля и отвезет в отель. Какой у вас отель, кстати?

– «Арк Ройял».

– Знаю, это двадцать минут отсюда.

– Окей. Сколько нам утром на таможню и границу закладывать?

– Минут сорок.

– Тогда в порт мы приедем в семь зулу. Машинку нам организуете на шесть сорок, или мне самому заказать в отеле?

– Я организую, не проблема.

– Спасибо, Сантьяго, – Саша обменялся рукопожатием с агентом.

– Саня, мы ща, погоди немного, – командир продефилировал из кабины в грузовой отсек.

Следом прошел второй пилот.

– Это кто? – удивился малайец.

– Капитан.

– А. Одет просто... как на отдыхе.

– А перед кем тут выпендриваться-то? – ухмыльнулся Саша. – Это ж не пассажирка, а карго. У тебя визитка есть? Вот моя, – он ловко извлек из кармана паспорт, за обложку которого было заложено несколько простеньких визиток. – Мобильный телефон тут указан, звони в любое время.

– Держи, – Сантьяго протянул свою. – Ну, я побежал на следующий самолет, закрывайте двери, обесточитесь, трап мы сами потом отгоним.

– Бывай! Удачи!

Капитан и второй пилот появились из грузового отсека уже одетыми вполне прилично для членов экипажей: темно-синие брюки, белые рубашки с погонями, аккуратно завязанные синие галстуки в мелкую белую полоску, сияющие черные ботинки. В руках – по небольшому чемоданчику на колесах.

– Готовы? – спросил Львович.

– Да, командир, – отозвался Саша. Они с инженером переодеваться не стали.

Глава 2. Срочная доставка

Закрыв и обесточив самолет, все четверо сели в автобус и неспешно потащились в пассажирский терминал. Пограничные и таможенные формальности прошли быстро – для экипажей в терминале была устроена отдельная кабинка пограничного контроля. Уже через пять минут они вышли в шумный зал прилета, где толпились встречающие и пассажиры всех рас и возрастов.

– Дурдом на выезде, – процедил Батя, раздвигая толпу разноцветных людей, как ледокол. Остальные шли за ним в кильватере, катя за собой свои небольшие чемоданы с нехитрыми пожитками. Много ли надо странникам? Белье, пижама да зубная щетка, для эстетов – еще бритва и книга.

Давешний автобус ждал их прямо у выхода. Они закинули чемоданы прямо в салон, расселись, – и водитель, худенький малаец, сразу отъехал от терминала. За окном потянулись пальмы, колыхавшиеся в черном небе, ярко освещенные огнем фонарей дороги, неоновые рекламы: обычный пейзаж любого города, с небольшими вариациями много лет повторявшийся для них в разных концах планеты.

В отеле тоже все прошло сравнительно быстро: девочка-дежурная, приветливо улыбаясь, вбила данные всех четверых в компьютер и выдала карточки-ключи от номеров.

– Ну, джентльмены, какие планы? – спросил Саша.

– Я плясать, – зевнул Миша, в уголках глаз которого за неделю полетов уже залегли морщинки от недосыпа. – Тут как раз пара клубов недалеко.

– А я в музей, – подхватил Эдик. – Бивень мамонта посмотрю.

– Ясно, – ухмыльнулся Львович. – Встретимся тут в шесть тридцать зулу. Чтоб все как стеклышко. Саша, с тебя транспорт.

– Заказан уже.

– Все. Всем спасибо за полет, и хорошего отдыха.

– Доброй ночи.

Экипаж разбрелся по номерам, оформленным в приятных кофейных тонах. Закрыв за собой дверь на цепочку, Саша с наслаждением сбросил пыльный комбинезон и долго балдел под теплыми струями душа. Потом дополз до кровати, рухнул в нее, напоследок быстренько проверил электронную почту с телефона и отправил в центр управления полетами в Москве несколько сообщений. И незаметно провалился в сон.

Снилась ему почему-то фигуристая соседка, которая пришла к нему в гости и стала жарить блины без сковородки, выливая тесто прямо на раскаленную конфорку. Из одежды на ней был только передник. Тесто шипело и шкворчало, соприкасаясь с раскаленным докрасна металлом. «Но так ведь нельзя!» – возмутился аккуратист Саша. «А у вас паллеты с собой есть?» – мужским басом спрашивала соседка, игриво глядя ему в глаза. «У нас тут рисуется чартер¹² в Катманду...».

– Какой еще чартер, Аня, нах...ра ты тесто прямо на плиту льешь? – громко спросил Саша и проснулся. Соблазнительная соседка медленно растворилась в застилающем все вокруг ночном сумраке, словно туман. Вокруг Саши был только гостиничный номер, а в руке – телефон, вопрошавший голосом одного из их менеджеров по продажам чартерных рейсов:

– Какое тесто? Какая Аня? Але, ты слышишь меня? Саша?!

– Слышу... – промычал Саша, медленно приходя в себя. – Х...ли тебе надо, родной?

– А ты где?

¹² Разовый нерегулярный рейс, выполняемый для конкретного заказчика.

– В чартере!

– А что, у вас ночь? – снова удивился Андрей. «Наверное, вытарашился ща как сова!», – подумал Саша, нашаривая выключатель прикроватного светильника. Приходилось ему уже видеть, как удивляется в таких случаях этот коллега.

Номер залил мягкий свет ночника.

– Мы в Сингапуре. Спим после рейса, – ядовито заметил бортоператор. – И тут плюс пять часов к Москве, если что.

– Извини, Саша, не посмотрел на часы...

– Бывает... – поморщившись, Саша сел на кровати, сунув ноги в тапочки, неловко, одной рукой надел очки и придвинул к себе блокнот. – Глаголь быстрее, я сон не досмотрел. Про соседку.

– Есть срочный чартер. Из Дакки, в Катманду. Один ящик с надувным домкратом¹³, для эвакуации самолетов. Одна паллета груза всего. Вылет из Дакки нужен не позднее одиннадцати утра по местному времени, иначе контракт заберут конкуренты, которые готовы вылететь в двенадцать. А контракт хороший!

– У тебя все контракты хорошие. Но у моего экипажа сейчас отдых. Он и так минимальный, двенадцать часов от посадки до взлета. – Саша посмотрел на часы. – Еще девять часов у нас. Вылет в восемь тридцать.

– Понимаю. Но если не улетим в шесть, то не успеем вылететь в одиннадцать из Дакки, и контракт потеряем. А там денег платят за одну паллету, как за целый борт груза.

С рабочим временем и отдыхом пилотов всегда было строго. Пилоты могли и отказаться лететь, если между рейсами не были соблюдены нормы отдыха. Естественно, потом за такое начальство могло смотреть косо, или начать относиться особенно критически к проступкам такого принципиального сотрудника. Впрочем, как и везде. Поэтому капитаны обычно шли навстречу, если палку с увеличением рабочего времени и послеполетным отдыхом им не перегибали уж очень откровенно, или как-то это потом компенсировали – то премией, то вкусными зарубежными рейсами, то еще чем-то.

– Ну, тогда сам звони командиру и сам объясняй, почему он должен на два с лишним часа раньше дергаться из отеля, – раздраженно сказал Саша.

– Это да, я позвоню, ты, главное, скажи, место размером три на два метра залезет к нам?

– Высота и масса какая?

– Да говорят, не больше тонны. Высотой сто тридцать сантиметров всего.

Саша вызвал перед мысленным взором поперечный разрез грузового отсека, похожий по форме на длинный полукруглый туннель, и представил соотношение его размеров и размеров груза. Возможность загрузить тот или иной несложный груз он с годами порой мог посчитать и в уме. Вот как сейчас:

– Залезет.

– А паллеты и ремни у вас есть?

– Есть. Одну паллету в Дакке сразу разберем – и погнали. Или пусть нам местные на своей паллете соберут, мы все равно на отдых в Дакку вернемся и привезем ее обратно.

– Годится. Я звоню командиру. Кто у вас сейчас там?

– Дмитрий Львович. И он будет тебе очень рад, – в последние слова Саша от души вложил весь имеющийся в запасе сарказм. И, откинувшись на подушки, погасил светильник и провалился в дремоту с телефоном в руках.

Как он и ожидал, вскоре капитан позвонил ему:

– Эти нелюди нас в четыре уже гонят на вылет...

– В курсе, Дмитрий Львович. Кашу и такси двигаем?

¹³ Устройство, используемое для эвакуации выкатившихся воздушных судов в случае, если повреждено шасси.

- Двигай, двигай. Полетим, отдых в Дакке не двенадцать, а шестнадцать часов будет.
- Принято, занимаюсь.
- Флайт-план сразу попроси на все три плеча, чтобы время не терять.
- Хорошо.
- Ну, добро, отбой!

Саша снова включил свет и сделал еще несколько звонков – в компанию, что готовила им борТПитание на вылет, на ресепшен отеля, через который заказывали такси, и в Москву, где находился центр управления перевозками, что контролировал все операции со всеми девятью грузовыми самолетами авиакомпании, выполнявшими как разовые чартерные рейсы, так и регулярные (когда груз возился по установленному расписанию на определенных маршрутах). Сокращенно этот отдел назывался ЦУП.

– Але, на, это я, на, – быковатым тоном с ноткой шутливости сказал он, когда в ЦУПе сняли трубку. – Сингапур беспокоит, рейс девять ноль ноль два.

– Привет, Саня, – отозвался Витя, один из сменных руководителей ЦУПа. – Как сам?

– Как сала килограмм. Рейс нам вот подвинули и добавили два плеча на утро. Сделаете нам флайт-планы на все плечи сразу? Сингапур-Дакка, потом в Катманду, и обратно в Дакку.

– Сделаем. Загрузка какая?

Количество топлива, потребного для перелета, зависело от многих факторов – времени года и расположения аэродромов, удаления запасных аэродромов от маршрута полета и, конечно, загрузки. Пустому самолету, естественно, требовалось куда меньше керосина, чем грузеному. Если ветер ожидался встречный, или в порту назначения было туго с топливом, то и заливались под пробки. Иногда приходилось брать топлива поменьше, потому что в порту назначения была слишком короткой взлетно-посадочная полоса (или, что хуже, недостаточно прочной – поэтому ограничивалась масса самолета).

– Та же, восемнадцать тонн до Дакки, далее до Катманду полторы сделайте, пожалуйста. А обратно... ну, наверное, килограмм двести поставь, у нас паллета пустая может быть на борту.

– Сделаем.

– Ай, спасибо, – Саша прикинул, сколько осталось спать, переставил будильник и снова провалился в сон.

*Мне человеком быть порядком надоело,
Решать проблемы не умею, не хочу!*

– внезапно заорал будильник на телефоне. По ощущениям – почти сразу после того, как он лег. Саня подлетел в кровати, выругался, стал вслепую нащупывать на прикроватной тумбочке мобильник, а тот верещал дальше:

*Ушастым зайцем быть – вот это, братцы, дело!
Однажды точно в лес я ускачу!*¹⁴

– В лес бы шас неплохо, да! – вслух подумал Саша, выключив-таки будильник. Потер глаза кулаками и снова побрел в душ. При таком режиме труда и отдыха, сопряженном с прыжками через несколько часовых поясов, проснуться удавалось только после горячего душа. Кофе Саша с годами старался избегать – беспокоился за сердце.

В этот раз он сослепу (и спросонья) перепутал краны и включил только холодную воду, что его изрядно взбудрило. Придя в себя, Саша вышел из душа и достал из чемодана рабочий

¹⁴ Песня «Заяц» в исполнении группы «КняZz» и Балду.

ноутбук. Пока закипал небольшой чайник, бортоператор успел проверить электронную почту, скачать присланные штурманом планы полета на флешку, послать их на адрес отеля с просьбой распечатать – и подготовить остальные документы. Потом зевнул, побросал вещи в чемодан и оделся. Залпом выпил стакан чая. Глянул на себя в зеркало. Оттуда смотрела помятая щетинистая рожа с красными глазами.

– Ну, с добрым утром, чучело! – сказал сам себе Саша и вышел из номера.

Экипаж помаленьку собирался внизу. Миша уже курил снаружи, у входа в отель, Эдик любовался пальмами, Львович пил кофе в лобби-баре. Саша расплатился карточкой за все четыре номера, забрал распечатанные документы – и как раз в этот момент к отелю подкатил белый микроавтобус с табличкой «CREW»¹⁵ под стеклом.

Обратный путь в аэропорт прошел без приключений. Опять граница и таможня, снова микроавтобус, несколько минут вдоль терминалов по перрону – и вот он, «Веселый Роджер», самолет с бортовым номером E7-JRO, возле которого уже маячит синяя пузатая цистерна топливозаправщика и белый фургон с бортопитанием. Пока Эдик заправлял самолет, Саша принял и загрузил в тележку на кухне бортопитание, пересчитал касалетки из алюминиевой фольги, ланчбоксы из прозрачного тонкого пластика, бутылки с водой и соками – в Дакке решено было бортопитание не брать, поскольку брезгливый бортоператор искренне сомневался в соблюдении местными поварами правил гигиены. Сингапур был в этом плане надежнее. Поэтому еду взяли сразу на три пролета, и ее получилось довольно много – по три горячих на каждого, плюс ланчбоксы с закусками, фрукты, вода. Кое-что даже пришлось сложить в коробку на свободном пространстве в грузовом отсеке.

После взлета Саша опять уткнулся в книгу, Эдик уснул в соседнем кресле, а пилоты неспешно повели транспортник на северо-запад, докладывая диспетчерам о проходе контрольных точек и беседуя о том о сем.

На снижении под крылом забурлила яркая зелень джунглей, разрезанных тут и там реками и речками, кое-где разбавленная мозаикой городков и деревень. Солнце барахталось в рваной облачности, то ярко освещая поверхность планеты, то ныряя в серо-белые клочья, застилавшие небесную синеву. Чтобы получше полюбоваться окрестностями, Саша пересел в кабину к пилотам.

– Смотри, истребитель впереди, – Миша указал на крохотную точку, мчавшуюся впереди. – Перед нами садиться будет.

– Порт совместного базирования, – добавил Львович. – Сколько тут летаю, вечно вояки крутятся. И за нами уже один ползет.

Под крылом уже уползали назад жилые кварталы, рассеченные полосками дорог. Транспортник проносился над разнокалиберными обшарпанными халупами, на мгновение накрывая их своей крылатой тенью. На одном из балконов Саша даже явственно рассмотрел дородную темнокожую женщину, развешивавшую белье, на другом – играющих детей.

На перроне царил обычный местный бардак – паллеты с грузом стояли на телегах и прямо на асфальте вокруг стоянок самолетов, периодически над головой с грохотом проносились истребители, у которых шли учебные полеты, а между стоянок, вывалив языки, слонялись ошалевшие от жары собаки. На краю перрона все так же маячили полуразобранные старые самолеты и списанные авиационные двигатели, – насколько помнил себя Саша, они там давили землю уже много лет.

Как и в Сингапуре, здесь было жарко и душно. Зарулив на грузовой перрон, «Веселый Роджер» встал в ряд с другими грузовыми самолетами из разных стран мира. Тут был и желто-белый «Аэробус» из Гонконга, и синий почтовый «Фоккер» из Дели, и даже пузатый серый «Боинг» из России (на таком же когда-то летал бортоператором Саша). Возле всех самолетов

¹⁵ «Экипаж» (англ.).

суетились смуглые грузчики. Из одного транспортника выгружали роскошный автомобиль, в другие – споро загружали объемистые паллеты с одеждой, пошитой на местных фабриках.

Выгрузка «Веселого Роджера» шла быстро. Три грузчика подкатывали металлические паллеты, похожие на большие противни с прикрепленной к периметру сеткой, к грузовому люку и выталкивали с борта самолета на пытящий теплым вонючим дымом хайлоудер – большую белую машину с двумя подъемными платформами, оснащенными роликами с электроприводом. Приняв на платформы две паллеты, оператор хайлоудера, ловко орудуя кнопками и рычажками на пульте управления, плавно опускал их с трехметровой высоты грузовой палубы почти на уровень земли и перемещал с платформы на приземистые тележки, также оснащенные роликами.

Саша и бригадир только разобрались с грузовыми документами, как первый автопоезд из пяти тележек, которые волок маленький красный трактор, уже уполз к длинному светло-серому зданию склада в полукилометре от стоянок.

– А где наш экспорт? – спросил Саша. – Одна паллета груза должна быть. Ящик вроде.

– Еще оформляется, – пояснил бригадир. – Мы сейчас вашу паллету одну разберем, груз на нее кинем и привезем...

– Саня! – крикнул Львович в открытую форточку кабины. – Подойди на минутку, будь ласка!

В небе над стоянкой прогрехотала и скрылась из виду пара камуфлированных истребителей.

– Сейчас, Дмитрий Львович! – отозвался бортоператор. – Как груз хоть выглядит? – спросил он бригадира.

– Ящик деревянный, да! – пожал плечами бригадир. – Снизу четыре ножки продольные. Из деревянных брусков. Весит восемьсот килограммов.

– Доски на паллету накидайте сплошным слоем, – распорядился Саша. – И закрепите сеткой. Ремни на борту накинём.

– Хорошо.

Саша бегом, через ступеньку, поднялся по трапу, утер со лба пот и сунулся в кабину.

– Ты в курсе, что в Катманду там было вчера? – спросил Львович.

– Пока нет.

– Там вечером пассажирский борт выкатился. Сели в тумане на край полосы, выкатились на грунт, подломили носовую стойку, застряли и встали рядом с полосой. Перегородили ее левой плоскостью. От торца ВПП до плоскости – тысяча шестьсот девяносто метров. Нам для посадки нужно тысячу пятьсот ми-ни-мум, – сделал паузу капитан. – Если повезет, остановимся до того, как врежемся в его плоскость. Полоса в Катманду одна, взлетать только обратным курсом будем. Курс захода для нас только один, для местных на легкой технике есть заход со стороны гор, но нам его не дадут.

– Лететь слишком рискованно, порт один из самых сложных в мире, – добавил Миша. – Заход для таких гостей, как мы, возможен только одним курсом, вокруг горы, погода часто гуляет... Ветерок бывает сильный.

– Порт сейчас закрыт по NOTAM¹⁶. Но нам выдали эксклюзивное разрешение на посадку, – продолжал Львович. – Что у нас за груз?

– Домкрат надувной. Похоже, этого беднягу как раз им вытаскивать хотят.

– Понятно. Придется лететь.

– Вам виднее, – пожал плечами Саша. – Я человек подневольный, все летят, и я полечу.

¹⁶ NOTAM (сокращение от англ. NOTice to AirMen) – оперативно распространяемые извещения об изменениях в правилах проведения и обеспечения полетов, описывающие, например, временные или постоянные ограничения на полеты в определенных зонах, режиме работы аэропортов, и пр.

– Да ты-то понятно, – хмыкнул Львович. – Я тебя что звал-то... На сколько мы можем облегчить самолет? Надо чтобы он на посадке весил как можно меньше, для сокращения пробега.

– На полтонны разом – легко. Снимаем техаптечку и сливаем воду из расходного бака в туалете, – перечислил бортоператор. – Руки мыть будем водой из бутылок. Можно попробовать груз на фанере вместо паллеты закатить – это еще минус сто килограммов. Если возьмете поменьше топлива, то еще сколько-то выгадаем.

Масса пустого самолета являлась величиной постоянной, – ее значение вносили во все документы для расчетов. Масса топлива и груза менялась в зависимости от маршрута и загрузки. Пустой самолет летел дальше, чем грузеный. А тяжелому самолету нужно было большее расстояние для взлета и посадки. Более легкий, понятное дело, смог бы затормозить и на малой дистанции.

– С топливом сейчас покумекаем, – кивнул Львович. – Спасибо. Как там с грузом?

– Скоро привезут.

– Скажешь потом, какую массу в расчеты включать. Москва нам в принципе полный карт-бланш дала. Если там вдруг встанем по поломке из-за отсутствия техаптечки и запчастей, это их проблемы.

– Прекрасно.

По трапу загрохотали тяжелые ботинки, и в проеме двери появился смуглый грузчик в темно-синих штанах и футболке:

– Груз готов, сэр.

– Спасибо! Накладные на импорт и экспорт у вас? – деловито спросил Саша.

– Вот, сэр, – протянул грузчик несколько листов бумаги с разноцветными штампами склада и таможни. Саша мельком просмотрел данные – отправитель, получатель, характер груза, масса, прочие данные, – и кивнул, пряча бумаги в папку:

– Нормально, сейчас гляну – и будем грузить.

Они спустились на перрон, где у хайлоудера уже стоял ящик, скомплектованный на паллете и прикрепленный к ней сеткой.

– Фанера на складе есть? – спросил Саша.

– Есть, дюйм толщиной. Пойдет?

– Тащите. И вилочник вызови. Надо поставить ящик на эту фанеру. Вместо паллеты.

– В смысле? И так грузить будете?

– Именно. Вместо паллеты. Фанера жесткая, но легче.

– Ты крэйзи! – ухмыльнулся грузчик. – Но мне нравится!

– Спасибо, братан! – кивнул с улыбкой Саша.

Вскоре со стороны склада примчался вилочник с большим листом толстой фанеры. Бортоператор критически осмотрел его, потом распорядился:

– Фанеру – на хайлоудер, груз ставь поверх него, как на паллету. И потом к заднему багажнику подрули с одной пустой паллетой, я аптечку оттуда сниму, закиньте ее пока к себе на склад. Вернемся – заберем.

– Будет сделано!

Лист фанеры с установленным сверху ящиком аккуратно затолкали на борт «Веселого Роджера» и поставили в хвостовой части самолета, после чего бортоператор надежно привязал груз к полу швартовочными ремнями. Потом достал чистый бланк сводно-загрузочной ведомости и, хмураясь, несколько раз пересчитал на калькуляторе веса самолета. Вздохнул, заполнил нужные поля и расписался на бланке.

– Дмитрий Львович, масса груза и фанеры – восемьсот тридцать килограммов, – сказал он, вернувшись в кабину и протянув заполненный бланк командиру. – Загрузили, закрепили.

Я пошел аптечку снимать. Грузовые документы на борту. Воду сольем сейчас. Эдик, поможешь местным товарищам?

– Конечно.

Под руководством Саши из заднего багажника выгрузили запасные колеса, ящик с запасным тормозом и прочее добро, входившее в техническую аптечку самолета. Возилось обычно все это с собой затем, чтобы в случае мелкой поломки не стоять в чужом порту и не ждать, пока привезут запчасть, а сразу заменить и лететь дальше.

– Похоже, приземлиться там сможем, – заключил тем временем Львович, пересчитав еще раз все параметры. – Борт почти пустой, остаток топлива маленький, притремся в начало полосы и сразу реверс – полтора километра нам хватит на торможение.

– А если что, уйдем сразу на второй, – поддержал его Миша.

Через какие-нибудь двадцать минут экипаж закончил все приготовления и закрыл входную дверь. Трап, взрыкнув двигателем, отъехал от самолета. Миша по радио вызвал вышку, запрашивая разрешение на запуск двигателей. Саша сел в кабину к пилотам, Эдик остался на кухне.

Еще через пять минут «Веселый Роджер» уже разбежался по полосе.

– Скорость сто пятьдесят! – сообщил Миша, глядя на стрелку указателя скорости. – Режим взлетный, параметры в норме.

Еще семь-восемь секунд разбега.

– Рубеж!

Стрелка указателя скорости прошла отметку в 250 километров в час – расчетную скорость принятия решения конкретно для этих условий взлета (высокогорье, малая загрузка, половинная заправка). Пока самолет ее не достиг – еще можно было бы прервать взлет и остановиться в пределах полосы, случись на борту какой-то критичный отказ. После – тормоза уже не помогли бы, и безопасно остановить борт в пределах полосы стало бы уже невозможно из-за инерции, оставалось бы только взлетать. Ну, или выкатываться на грунт за полосу, ломая шасси (а то и забор за полосой).

– Продолжаем взлет.

– Подъем.

Львович плавно потянул на себя штурвал, отрывая носовую стойку от полосы, и нос самолета пошел вверх. Еще мгновение – и «Веселый Роджер» оторвался от земли. Город за оградой порта стал проваливаться вниз.

– Шасси убрать!

– Шасси убрано! – Миша тут же перевел рычаг уборки шасси в верхнее положение. Стойки шасси медленно убрались, напоследок тряхнув самолет, пока раскрученные массивные колеса затормаживались, вращаясь по инерции в нишах в крыльях и фюзеляже. «Веселый Роджер» набирал высоту, удаляясь от Дакки на северо-северо-запад. Под крылом медленно таяли в дымке зеленые острова, склады, пирсы, дома богачей и синее море.

– Фары выключить, убрать! – сказал Львович. – Закрылки¹⁷ ноль.

Миша убрал закрывки. Зажужжав приводами, закрывки встали в полетное положение. Индикаторы их на потолочной панели вначале из оранжевых стали зелеными, а потом и вовсе погасли.

Потом, дождавшись другой команды, сменил радиочастоту и доложил диспетчеру о том, что взлет произведен.

– Спокойного полета, – пожелали с земли.

– Спасибо. Хорошего дня!

¹⁷ Элемент механизации крыла самолета, отклоняемая поверхность на его задней кромке, позволяющая увеличить несущую способность крыла и уменьшить взлетную и посадочную скорости.

Дакка окончательно растаяла в облаках за кормой. Подчиняясь командам диспетчера, экипаж постепенно занимал все более высокие эшелоны, пока самолет не забрался на высоту в одиннадцать тысяч сто метров.

«Дзынь!» – звякнул сигнал отключения табло «Пристегните ремни».

– Саня, чайник ставь! Чай делай на всех! И горячее в печку кидай! – он щелкнул «Галей».

– Да, мой капитан, – Саша встал и сложил откидное сиденье, потом вышел на кухню.

– И музыку поставь, пожалуйста. Я желаю лететь с комфортом.

– Да, мой капитан!

*I've got the devil on my shoulder, over and over
And I just can't sink any lower, lower and lower
The hounds of hell are getting closer, closer and closer
I've got the devil on my shoulder, over and over¹⁸,*

– полилось из динамика.

– О. Так лететь зело приятнее! – оценил Львович, откидываясь на спинку сиденья и глядя вдаль.

¹⁸ Песня «Devil on my shoulder» группы Billy Talent. Примерный перевод: «Дьявол снова и снова на моем плече, я не могу пасть еще ниже, адские гончие все ближе и ближе, дьявол вновь на моем плече...».

Глава 3. Горными тропинками

– Чай готов, джентльмены, – вернулся Саша. На подносе исходили паром два бумажных стакана. – Горячее греем.

– На «Ан-двенадцать»¹⁹ мы так не парились с центровкой и загрузкой, – заметил капитан, размешивая сахар. – До килограммов вот так не считали. Ну, так, больше на глаз. Но там и сам самолет сконструирован с запасом, позволял это делать.

У Львовича за спиной был не один десяток лет в военно-транспортной авиации и три войны за плечами – еще до того, как он пересел с советского военно-транспортного самолета на русский гражданский. Он помнил небеса Анголы, Югославии и Таджикистана. Путь его к небу оказался куда более извилистым, чем у Миши – тот после гражданского летного училища поработал немного на двухмоторном легком Л-410²⁰ на мирном русском севере, возя почту, грузы и вахтовиков, после чего с полгода летал вторым пилотом на Ил-76 одной белорусской грузовой авиакомпании, промышлявшей международными чартерами, а затем перешел в «FIREBIRD CARGO» – также на должность второго пилота.

– Ну, то военный борт. Он как трактор, – пожал плечами Саня. На том типе он не работал, но немного его особенности знал. По образованию Саша был логистом, который волею случая однажды оказался задействован в обеспечении грузовых чартерных рейсов своей авиакомпании, понемногу став заниматься и всей вспомогательной работой в качестве бортоператора. Прошел необходимые обучения, что-то изучил дополнительно и сам – когда пришлось летать в чартеры куда попало и грузить там что ни попадя. Налет ему, в отличие от пилотов, не засчитывали, потому и льготная пенсия не светила – но он и не переживал по этому поводу: на жизнь ему хватало, и мир заодно посмотреть удавалось.

– Ну, так ото ж. Я с перегрузом даже летал, было дело. Тут попробуй с перегрузом – взлетит, конечно, ежели полоса подлиннее окажется, но сложнее все будет. А там главное было полосу подлиннее. И на посадке на три точки²¹ притереться. Плавненько так...

Серебристый тревожный звук колокольчика перебил их светскую беседу.

– Оп-па! – сказал Батя. – Эдик?!

– Ась? – сунулся в кабину инженер.

– Посмотри-ка на дисплей.

На центральном дисплее высветились красные буквы: «*ОБОГРЕВ ПРАВ. СТЕКЛА ОТКАЗ*». Колокольчик не умолкал – умный самолет сам предупреждал экипаж о проблеме.

– А, знакомая фигня. Отказ по электрике. Выключите ненадолго обогрев стекла, сейчас посмотрю, что инструкции говорят, – Эдик ушел обратно на кухню и стал рыться в электронном справочнике на своем планшетном компьютере, отыскивая решение проблемы.

За пятнадцать лет работы во всех широтах инженер изучил своих алюминиевых подопечных до винтика. Ему приходилось и латать их при повреждениях или поломках во внебазовом порту, и обследовать их на плановых формах профилактического техобслуживания. Многое он уже помнил наизусть. Но все упомнить невозможно, – главное было знать, где искать указание на решение в документации. Благо, теперь были электронные носители информации, где поиск по нужному слову занимал секунды, и не требовалось таскать с собой тяжелые печатные справочники, как в первые годы его карьеры. Собственно, Эдик инженером был всю жизнь – не только по образованию, но и по духу. Как и все выпускники его училища, имел военную

¹⁹ Советский военно-транспортный самолет Ан-12.

²⁰ Самолет чешского производства, использующийся на российских местных воздушных линиях и в аэроклубах.

²¹ То есть, на все стойки шасси одновременно.

специальность, и до сих пор помнил наизусть многие нюансы обслуживания боевых самолетов, хотя уже многие годы не имел с ними дела.

– Пропал сигнал, – сообщил Миша через пару минут.

– Включи-ка, – снова появился в кабине инженер с планшетом в руках. – Проблема некритичная, лететь можно. Но может иногда проявляться опять.

Второй пилот щелкнул тумблером включения обогрева. Колокольчик молчал.

– Готово. Вроде работает. Мессяга²² исчезла.

– Плавающий отказ, значит, – сокрушенно вздохнул Эдик. – Будем устранять на базе. Отпишем в TLB²³, ребята покопаются. Посмотрите там еще, вдруг выскочит потом.

– Лады.

Время протекло незаметно. Большую часть полета под крылом дремали облака – ближе к посадке они внизу слились в сплошной ковер. Смотреть там было не на что. На подлете к очередной контрольной точке Львович настроил радиостанцию на нужную частоту, и пилоты прослушали сообщение автоматического информатора о метеорологической обстановке в аэропорту. Ждала их там нормальная погода без особых изъяснов: облака, слабый ветерок поперек полосы, видимость более пяти километров.

– Я пилотирую, ты ведешь связь, – решил Львович. – После полета будем обсуждать все нюансы, пора тебя на командира вводить уже.

– Слушаюсь, Дмитрий Львович.

– «Жар-птица» девять ноль ноль семь, добрый день, Катманду-контроль на связи, снижайтесь до эшелона двести, – прозвучал в наушниках пилотов приятный баритон диспетчера.

– Принял, Катманду-контроль, «Жар-птица» девять ноль ноль семь, – отозвался Миша.

Саша и Эдик с разрешения Львовича разместились на дополнительных сиденьях в кабине пилотов. Вчетвером там было тесновато – но и инженеру, и бортоператору хотелось своими глазами посмотреть на необычную посадку в редком горном аэропорту.

Облака под крылом стали стремительно приближаться. Гигантская тень лайнера, окруженная радужным ореолом, на миг распласталась по ним, потом борт нырнул в облачность, и все вокруг пропало из виду.

– «Жар-птица» девять ноль ноль семь, снижайтесь до эшелона сто пятьдесят, проход точки Ромео доложить.

– Принял.

За стеклом кабины словно бы кипело молоко. Где-то в нем прятались обступившие аэродром и город горы. Вся надежда была только на приборы, диспетчера и радиомаяки, один из которых стоял в километре от взлетно-посадочной полосы. Снижаться ниже сто пятидесятого эшелона, то бишь, пятнадцати тысяч футов (ну, или четырех тысяч пятисот семидесяти двух метров) было смертельно опасно – борт оказался бы слишком близко к горным склонам, и, отклонись пилоты от трассы, гарантированно врезался бы них. Поэтому заход на посадку в аэропорт Катманду всегда производился только по определенной траектории и строго отслеживался диспетчером и пилотами.

– Катманду-контроль, «Жар-птица» девять ноль ноль семь, прошел точку Ромео.

– «Жар-птица» девять ноль ноль семь, снижайтесь до эшелона сто пятнадцать.

– Принял.

Еще несколько минут в молоке. Мир пропал, растворился в мареве облаков. Саша отвел взгляд от приборов, попытался представить себе, как они сейчас летят. Вперед? Или с креном вправо, может, влево? Органы его чувств, не имея возможности зацепиться хоть за какие-то

²² Искаженное английское слово «message».

²³ *Technical Logbook* – бортовой журнал самолета, куда вносятся данные по выполнению рейсов, по замечаниям и неисправностям бортовых систем.

визуальные ориентиры, считали, что самолет снижается с правым креном. Он тут же бросил взгляд на приборы, – нет, снижались они ровно, без крена. Только стрелки высотомера да указателя скорости доказывали, что самолет не завис в воздухе, а летит вперед и вниз.

– Катманду-контроль, «Жар-птица» девять ноль ноль семь, занял эшелон сто пятнадцать.

– «Жар-птица» девять ноль ноль семь, сохраняйте высоту до точки Сьерра.

– Принял.

Сплошное марево в стеклах. Лопастей вентиляторов рубили его, словно застывшую сладкую вату, отбрасывали назад, но марева было слишком много. Не видно ничего за стеклами, кроме марева. Не видно было даже законцовок крыльев, загнутых вверх.

– Миша, закрылки двадцать.

– Check!

– Катманду-контроль, «Жар-птица» девять ноль ноль семь, прошел точку Сьерра.

– «Жар-птица» девять ноль ноль семь, курс прежний, снижайтесь до эшелона ноль восемь два. Ни при каких обстоятельствах не снижаться ниже эшелона ноль восемь два. Вокруг вас горы.

– Принял. Спасибо, Катманду-контроль. Миша, спидбрейки, слишком быстро идем.

– Есть! – Миша кратковременно выпустил воздушные тормоза, и самолет слегка заболтало в возмущенных воздушных потоках. И почти сразу борт вывалился под нижнюю границу облаков. Кругом были горы. Справа, слева, далеко впереди – тоже горы. Тут и там – разбросаны пестрые квадраты полей, неровные светлые ниточки дорог, плотные пятна городских застроек. Впереди была видна взлетно-посадочная полоса и силуэт выкатившегося лайнера, чья левая плоскость перегородила ее точно посередине. Чуть в стороне – пассажирский терминал, автобусы и несколько разнокалиберных самолетов рядом.

– «Жар-Птица» девять ноль ноль семь, посадку разрешаю.

Транспортник ощутимо болтало порывами бокового ветра. Львович выругался сквозь зубы, парируя ветер педалями и штурвалом. Приземлиться нужно было точно в начале полосы – иначе потом оставшейся ее части не хватило бы, чтобы уменьшить скорость на пробеге и остановить многотонный транспортник до столкновения с выкатившимся лайнером.

– Малый газ.

Миша потянул на себя рычаги управления двигателями на центральном пьедестале кабины, уменьшая тягу до минимума:

– Check!²⁴

– Шасси выпустить.

– Выпущены, – рукоятка на приборной доске ушла в нижнее положение, чуть погодя со стуком встали на замки стойки, и на приборной доске приветливо вспыхнули три зеленые лампочки.

– Сто пятьдесят, – сообщил высотомер. – Сто.

– Садимся, – решил Львович.

– Шестьдесят... – продолжал высотомер. – Тридцать... двадцать...

Навстречу им набегала уже светло-серая взлетно-посадочная полоса с белыми цифрами «07» на первой плите, исчириканная черными следами тысяч колес за поперечной белой «зепрой» чуть поодаль от торца. Внезапно сильный порыв бокового ветра так качнул самолет, что горизонт резко накренился влево, а правая плоскость крыла едва не зацепила землю законцовкой. Никто не издал ни звука, хотя ледяной разряд ужаса пробил всех четверых.

Львович, не моргнув глазом, выровнял машину одним плавным движением и нажал кнопку TOGA²⁵ на штурвале, спокойно сообщив:

²⁴ «Проверено!» (английский жаргонизм).

²⁵ Take-Off Go Around (TOGA) – кнопка ухода на второй круг.

– Уходим, двигатели – взлетный.

Зазвенел сигнал отключения автопилота, и сразу вслед за ним раздался нарастающий вой двигателей, выходящих на взлетный режим.

– Закрывки пятнадцать!

– Check! – Миша переставил рукоятку выпуска закрылок вверх, убирая их с посадочного положения в тридцать пять градусов во взлетное – всего пятнадцать градусов. Ландшафт за окном уносился назад, а выкатившийся пассажирский борт, нелепо уткнувшийся носом в землю, все рос в размерах. Нос самолета начал задираться вверх – сказывалась увеличивающаяся тяга расположенных под крылом двигателей.

Львович легонько придержал попытку «Веселого Роджера» встать на дыбы, отклонив штурвальную колонку вперед:

– Шасси убрать!

– Check! – рукоятка ушла вверх.

Самолет уверенно удалялся от негостеприимной земли. С выкатившимся лайнером они спустя секунды поравнялись уже на высоте в полсотни метров. Саша даже явственно различил людей, стоящих с фотоаппаратами на грунте неподалеку от «Аэробуса» и восторженно снимающих их посадку. «Рисковые ребята!» – подумал он. «А если б мы в крыло ему врезались...».

– Катманду-контроль, «Жар-Птица» девять ноль ноль семь, ушел на второй круг, – спокойно доложил Миша диспетчеру.

– Принял, «Жар-Птица», следуйте к точке Bravo.

Борт нырнул в облака, и горы пропали из виду. За стеклом опять забурлила белая муть облаков. Розовые линии, отмечающие траекторию полета, прихотливо изогнулись на экранах перед пилотами. Теперь им снова приходилось идти строго по маршруту, тщательно выдерживая скорости и высоты и снова выходя в точку, откуда можно было бы безопасно повторить заход на посадку.

– Миша, глянь-ка на правую законцовку, – ровным голосом попросил Львович, не отрывая взгляда от приборов. – Цела она там?

– Смотрю, – Миша прижался лбом к стеклу, пытаясь рассмотреть законцовку крыла. С его места это удавалось с трудом – не слишком удобный был обзор назад, да и облачность мешала. – Цела, целая! – обрадованно воскликнул он, когда крыло вдруг стало на секунду или две ясно видно целиком в просвете между слоями облаков.

– Спасибо. Продолжаем. Закрывки ноль, – по голосу Львовича не чувствовалось, что они были на волосок от крушения. Но Саша, не первый год летавший с капитаном, прекрасно понимал, чего ему стоило так спокойно уточнять все это и не выдавать своего волнения.

Еще заход. Снова вывалились из облачности на глиссаде. Опять пошли доклады высотомера – и напряженное ожидание.

На этот раз ветер смилостивился, и коснуться полосы удалось ровно там, где рассчитывал Львович. Самолет тряхнуло, когда колеса основных стоек, а потом и носовой встали на бетон.

– Реверс.

– Есть реверс.

– Тормозим.

Привязные ремни всех четверых ощутимо натянулись, когда раскрылись ковши реверсов, и двигатели взвыли, отбрасывая воздух вперед и затормаживая многотонный самолет.

– Шестьдесят... сорок... двадцать пять... Катманду-контроль, «Жар-Птица» посадку произвел.

– Принял, работайте с рулением на сто шестнадцать точка пять.

Миша покрутил верньеры второй радиостанции, настраивая ее на частоту 116.5:

– Руление-Катманду, добрый вечер, «Жар-Птица», просим указаний по рулению.

– Добрый вечер, разворачивайтесь и освобождайте по Альфа-Один.

«Веселый Роджер» остановился в пятидесяти метрах от плоскости турка, торчащей над полосой практически на высоте его кабины. Саша поежился от тошнотворной мысли, что случилось бы, если бы сделать это не удалось. Пилоты тем временем оценили обстановку: чтобы попасть к рулежной дорожке Альфа-Один, соединявшей перрон аэропорта с полосой, нужно было развернуться на сто восемьдесят градусов практически на месте. Ближайшая рулежка, Альфа-Два, ремонтировалась, остальные три – заблокировал собой выкатившийся турок.

– Саша, Эдик, – решил Лвович. – Готовьтесь вылезать, будете мне с земли подсказывать, как разворачиваться. Я местным не доверяю.

– Сделаем, – пожал плечами инженер, отстегивая привязные ремни. – Пошли, Саня!

– «Жар-Птица», развернуться на полосе сможете? – запоздало осведомилась вышка, заметив, что самолет не приступает пока к маневру.

– Сможем, – ответил Лвович. – Мои техники спустятся по веревочной лестнице и будут контролировать мой разворот. Пожалуйста, ждите.

– Принял, нам некуда торопиться. Порт закрыт.

– Саша, Эдик, можно открывать, – крикнул через плечо Лвович. – Температура плюс тринадцать, ветер семь узлов²⁶, утеплитесь там!

– Уже работаем.

Бортоператор и инженер надели под комбинезоны теплые вязаные свитера, а потом достали из ящика под одним из сидений плотно свернутую четырехметровую веревочную лестницу. На одном из концов ее были специальные металлические крепления. Их присоединили к гнездам в полу кухни, после чего Эдик отключил аварийный трап и распахнул входную дверь. В лица друзьям жажнуло арктическим холодом с заоблачных вершин. Было, конечно, неудобно вылезать из двери прямо перед работающим двигателем, но он молотил на малом газу и опасности не представлял, – если, конечно, держаться подальше от воздухозаборника и не соваться прямо во вращающийся вентилятор.

– Пошла, родимая! – выбросил Эдик лестницу в люк. Размотавшись, она аккуратно достала до земли. – Спускайся, я уши возьму.

– Давай, – Саша надел поверх своих обычных очков вторые, тактические противоударные, чтобы не бил в глаза ветер с пылью, и ловко спустился по шаткой лесенке на перрон. Эдик, отыскав в сумке наушники с ларингофоном, последовал за ним. Там он подключил разъем на конце провода к гнезду СПУ²⁷ на носовой стойке шасси и, нажав кнопку связи, сообщил:

– Кабина – земле. Мы готовы.

– Принял, – отозвались наушники голосом Лвовича, чуть искаженным микрофоном.

Саша тут же отошел подальше, к турецкому самолету, чтобы контролировать разворот их транспортника и движение плоскости его крыла мимо стабилизатора выкатившейся машины. Попутно осмотрел грунт у края полосы на предмет всяких валяющихся деталей и камней – не всосать бы чего правым двигателем... Подобрал какую-то гайку, запулил ее подальше от полосы. Туда же пинком отправил крупный камень, попавшийся на глаза. Потом показал Эдику оттопыренный большой палец – дескать, более-менее нормально теперь. Мельком извлек из кармана мобильник, сделал на память несколько снимков «Роджера» и выкатившегося лайнера. Судя по все еще надутым аварийным трапам и распахнутым дверям вдоль бортов того, эвакуация пассажиров после выкатывания была экстренной – обычный трап ждать никто не стал.

В проеме входной двери «Веселого Роджера» мелькнул Миша, который быстро втащил веревочную лестницу внутрь и закрыл за собой входную дверь.

²⁶ То есть почти четыре метра в секунду. Скорости в узлах замерялись еще на морском флоте, откуда в XX веке перекочевали в авиацию. Узел равен скорости в одну морскую милю в час.

²⁷ Самолетное переговорное устройство для внутренней связи между членами экипажа.

- Начинаем разворот, аккуратно там, ребята, – сказал Батя.
- Понял, разворачивайтесь, – отозвался Эдик.

Двигатели загудели, набирая обороты. Капитан плавно стронул лайнер с места и начал доворачивать вправо, чтобы получить максимум места для разворота.

– Осторожней с правой стойкой, и движком говна не нагребите! – предупредил Эдик. Он шел рядом с самолетом, придерживая провод рукой и внимательно следя за движением «Веселого Роджера». Правая стойка уже была неподалеку от края полосы. Да и двигатель уже вот-вот должен был оказаться над грунтом, а что там могло валяться – одному богу было ведомо. – Полметра до грунта от правой стойки!

- Принял, начинаем поворот.

Транспортник со скрипом медленно и величаво развернулся на узком пространстве, ограниченном краями полосы и выкатившимся собратом. Саша показал Эдику большой палец – правое крыло «Веселого Роджера» успешно разминулось со стабилизатором выкатившегося лайнера. Фотографы тем временем всю снимали русский самолет – кто на видео, кто на фото. Один по мобильнику еще и сообщал в редакцию своей газеты, что самолет с домкратом прибыл, и что он скоро вышлет снимки для новости-молнии:

– Фантастический заход! Со второй попытки, но смогли! Да! Я все заснял, просто потрясающий снимок! Будет бомба! Они крэйзи, эти русские, но это просто высший класс!

Львович тем временем остановился, чтобы забрать свою команду. Миша снова открыл дверь и выбросил наружу лестницу, Эдик и Саша поднялись на борт и втянули лесенку за собой, после чего Львович потихоньку начал рулить обратно к торцу полосы:

- Руление, сообщите номер стоянки.

– Остановитесь у стоянки номер два, стойте на рулежной дорожке. Вас разгрузят прямо там, после этого сможете развернуться на своей тяге и вернуться на ВПП, если готовы сразу улетать обратно.

- Вас понял. Мы примем решение по вылету во время выгрузки.

- Может, заночуем тут? – спросил Миша.

– А где гарантия, что они самолет быстро вытащат? – резонно заметил капитан. – Да, предельно короткая полоса, но и мы пустые, топлива минимум... Температура плюс тринадцать. Думаю, сможем. Поточнее посчитаем, пока выгружаться будем. Считаю, шансы неплохие. Главное успеть улететь до темноты. Рабочее время пока позволяет.

Вскоре «Веселый Роджер» остановился у длинного стеклянного здания пассажирского терминала и заглушил двигатели. Тишину нарушал только свист его вспомогательной силовой установки. На стоянке близ него их уже ждали хайлоудер и вилочный погрузчик, два желтых джипа и несколько разномастно одетых людей (двое с большими фотокамерами).

– Давайте, парни, выгружайтесь, – разрешил Львович и достал свой планшетный компьютер. – А мы с Мишей пока прикинем, что к чему...

- Источник нужен? – уточнил инженер.

- На ВСУ²⁸ постоим, – покачал головой Львович.

Эдик кивнул и нажал на рычажок с надписью «ОТКР / ЗАКР», расположенный на пульте управления грузовой дверью, что висел на кухне. Боковой грузовой люк размером три с половиной на два и две десятых метра медленно вышел из пазов и стал подниматься вверх под мерное жужжание гидравлических приводов.

Саша тем временем вышел на палубу и проверил груз, с удовлетворением отметив, что ящик не сместился ни на сантиметр при уходе на второй круг. Отстегнув все ремни, он стал

²⁸ Вспомогательная силовая установка. Обеспечивает воздушное судно электричеством при отсутствии наземного источника электропитания и выключенных двигателях.

толкать лист фанеры с ящиком к люку. Фанера хрустела, но все-таки медленно катилась по роликам.

– А ну, давай вдвоем! – подошел Эдик, тоже уперся в ящик – и тот покатился веселее. Снаружи уже ревел двигатель хайлоудера, подкатившего к борту «Веселого Роджера».

– Толкаем на платформу, – сказал Саша, когда машина встала вплотную к самолету. За пару секунд они выкатили груз на хайлоудер.

– Take it, bro! – крикнул Саша водителю погрузчика, выйдя следом за грузом на хайлоудер. – Sign my documents, please!²⁹

– Ok, Ok! – помотал головой оператор, поставил закорючку в документах и ловко спустил платформу с грузом на уровень земли, где подоспевший вилочник немедленно забрал ящик и умчался на склад. Махнув на прощание рукой, Саша вернулся на самолет.

– Закроешь люк? – спросил Саша у Эдика. Тот кивнул. Бортоператор хлопнул его по плечу и сунулся в кабину:

– Летим, мой капитан?

– Летим, – кивнул Батя. – Центровку Миша посчитал, рулим туда же, взлет обратным курсом.

– Не забудьте про то, что у нас нет воды и аптечки на борту. Центровка более передняя будет.

– Упс! – Миша, покраснев, торопливо достал свой мобильник, включил на нем калькулятор и принялся что-то быстро пересчитывать на бланке. Львович свирепо посмотрел на него, потом повернулся к бортоператору:

– Пристегнитесь получше.

Потом снова посмотрел на второго пилота:

– Семь процентов центровка будет, не девять³⁰. Взлетим, но на пределе. Внимательней надо! – это он уже второму пилоту. – Леща получишь в следующий раз.

– Виноват...

– Должен будешь. Всем на борту. Рулению сообщи пока, что мы улетаем, – отвернулся капитан к открытой на планшете карте аэропорта.

– Есть!

Выруливали на полосу долго и муторно, тем же маршрутом, что рулили на перрон по прибытии, подсвечивая себе путь фарами. Потом на полосе Саша и Эдик снова спускались на землю и руководили разворотом самолета в стремительно навалившихся сумерках, потом забирались обратно в самолет по раскачивающейся лестнице. На фоне стремительно темнеющего неба уткнувшийся носом в землю пассажирский лайнер смотрелся особенно жалко. «Отлетался, бедняга...» – мельком подумал Саша, закрывая за собой входную дверь после того, как они с инженером поднялись на борт перед взлетом. «Порежут теперь на металлолом... Кто его тут восстанавливать будет?».

– Взлет разрешаю, – сообщил диспетчер. Полоса, подсвеченная цепочками огней, растянулась перед ними. Горы резко выделялись на фоне вечерних небес.

– Проверимся напоследок, – сказал Львович, беря с приборной панели залинованный чек-лист бумаги со списком проверок перед взлетом. – TCAS³¹ включена, фары включены,

²⁹ – *Забирай, братан! Распишишь в документах, пожалуйста! (англ.)*

³⁰ *Положение центра тяжести воздушного судна при расчете центровочного графика указывается в процентах длины средней аэродинамической хорды крыла (САХ). Если очень грубо – средней его ширины. «В среднем по большице», положение центра тяжести для большинства воздушных судов, при котором они могут выполнять полет, варьируется от 5 до 35% САХ.*

³¹ *Система предупреждения столкновения самолетов в воздухе.*

РЛС³² включены, курс взлета соответствует, часы включены, – глаза его бегали по кабине, контролируя, что все действительно настроено правильно.

– Все так! – доложил Миша, дублировавший проверку за капитаном.

– Ну, с богом, ребята... – вздохнул Львович, кладя руку на рычаги управления двигателями и плавно двигая их вперед. – Катманду-Контроль, «Жар-Птица», взлетаю.

Разбегались мучительно долго. Пустой самолет, с минимальной заправкой – и минимальной длины полоса на высокогорном аэродроме. Не лучшее сочетание, хотя и не фатальное. Отрывались чуть не с последних плит. Когда взлетели и убрали шасси и фары, Саша, сидевший в кабине позади пилотов, тихонько выдохнул от облегчения. Встававшая дыбом прическа медленно улеглась обратно на череп.

– Саша, грей чай и обед. Я зверски голоден, – распорядился Батя. – И музыку поставь, пожалуйста!

– Да, мой капитан.

И вот в кабине самолета, вынырнувшего за облака, в последние лучи предзакатного солнца, снова вкусно запахло едой, и зазвучал из динамика уверенный голос:

*Мы любили танцевать
Босиком на битом стекле
Умели плавать в соляной кислоте
И ходить по тонкому льду
В своем родном Катманду.
Мы не гуляли по Вселенной
С песней вдоль и поперек
Но можем смело сказать наперед:
Нет места лучше и в раю
Чем родное Катманду
А кто с нами не согласен
Пусть зарубит на носу
Для нас любовь – и Библия, и пицца
Но можем дать и по лицу
За родную Катманду
Где солнце в синих небесах
Без одежды и стыда
Исполняет на ура
Танец живота!³³*

³² Радиолокационная станция.

³³ Песня «Катманду» группы Крематорий.

Глава 4. Огни Бенгалии.

Остаток полета Саша смотрел на ноутбуке научно-фантастический фильм, Эдик играл на телефоне в шахматы, а пилоты, лениво переговариваясь, вели борт над облаками при свете тающей зари и раскаляющегося белого полумесяца. В Дакку борт вернулся уже затемно. Еще на рулении Саша позвонил в ЦУП и спросил про расписание.

– Пятнадцать часов отдыха! – сообщил он, закончив разговор и сунувшись в кабину. – Зато в Индии будем сутки. Говорят, тут лучше не задерживаться, местечко еще то.

«Веселый Роджер» уже остановился на той же стоянке, что и утром, и к самолету подъезжал давешний трап с тем же номером.

– Ресторан нам оплатишь? – ухмыльнулся со своего места Миша.

– Естественно. Завтра просто еды поменьше возьмем на перелет в Индию. И там в ресторан ходим.

– А в Индии мы что делаем?

– Два двигателя оттуда на ремонт потащим в Москву. И какие-то лекарства заодно.

– Ну, по рукам!

Местному супервайзеру, прибывшему на стоянку вместе с экипажным автобусом, Саша вручил заказ борТПитания на утренний рейс, наспех написанный на листке из блокнота. Границу и таможеню прошли быстро. Никого не волновали четверо уставших, небритых мужиков со скромными чемоданами. Их микроавтобус долго пробирался через улицы, то погрязшие во мраке и грязише, то залитые светом неоновых реклам, пока, наконец, не замер у входа в Best East Hotel (Four Stars)³⁴.

– Название уже настораживает, – хмыкнул Батя. – Четыре звезды?

– Все сходится, – отозвался Эдик. – Ты, Миша, я и Саша. До завтра – официально четыре звезды!

– Тогда я спокоен.

Когда бортоператор вошел в ванную комнату в своем номере – то с изумлением узрел развороченный белоснежный бок ванны, заклеенный кое-как бесформенным куском белого же линолеума. Было похоже на то, что по ванне когда-то в упор выстрелили из дробовика, после чего попытались ее как-то залатать. Не исключено, впрочем, что так оно и было.

– Хрена се! – удивился Саша. Но потом махнул рукой – и включил воду. Та потекла на пол ванной через плохо проклеенные стыки. Вздохнув, Саша с наслаждением помылся и растерся белоснежным мохнатым полотенцем, после чего переделся в чистую одежду и обзвонил коллег:

– Готовы? Спускайтесь на ресепшен через десять минут, пойдем ужинать.

Пока экипаж собирался, он уже успел разменять немного долларов на местную валюту – разноцветные бумажки с каллиграфической вязью и изображением различных мечетей. Оглядев холл, Саша привычным движением спрятал деньги в карманах джинсов так, что никто из оказавшихся поблизости не увидел, сколько именно он наменял. Это уже было на уровне рефлексов – никто никогда не должен был знать, сколько у него сейчас наличности, особенно в бедных странах. Нельзя было отсвечивать. Вообще.

– А где все? – пробасил появившийся из лифта Эдик.

– Фиг знает, – пожал плечами оператор.

Звонок возвестил о прибытии второго лифта, из которого тотчас вышли пилоты – оба в шортах и футболках, ни дать, ни взять, туристы.

– Все, банда в сборе, пойдем ужинать! – воскликнул Миша.

³⁴ «Лучший восточный отель» (Четыре звезды) (англ.).

Как обычно, пошатавшись по городу, выбрали ресторан, где еда была сделана из более-менее понятных ингредиентов.

– Заказываем все меню, каждому по два раза? – предложил Эдик, когда все расселись за столом.

– Посмотрим, посмотрим... – пробурчал Батя.

Саша отдал предпочтение жареному цыпленку с рисом, Эдик и Миша взяли говядину с картофелем, а Львович остановил выбор на морских гадах. Блюда готовили долго, поэтому время коротали за разговорами о жизни.

Пиво, как обычно, включили в отдельный чек и раскидали его стоимость на всех – вышли какие-то смешные два доллара на брата. А чек за общий ужин Саша бережно убрал в карман – его надо было по возвращении в Москву сдать в бухгалтерию.

– Все, хлопцы, я поехал спать. Долго не гуляйте, местных не обижайте! – сказал Батя, когда они вышли на улицу, и влажная духота обволокла их с головы до ног. – Кто со мной?

– Не, мы еще погуляем.

– Ну, бывайте. Эй, брза! Такси!

Львович на рычащем желтом стареньком «Форде» растворился в сумерках.

– Куда пойдем? – спросил Миша.

– Как обычно. Куда глаза глядят. Там разберемся.

На холме, господствовавшем над районом, возвышалась старинная крепость, подсвеченная огнями.

– Погнали, посмотрим, что это за крепость?

– Любишь ты, Эдик, по музеям шастать, – поддел соратника Миша.

– Не, ну, надо ж к культуре приобщаться.

– Это форт Лалбах³⁵, полагаю, – солидно заметил Саша. Он перед ночевкой в чужом городе обычно на скорую руку читал в интернете про разные достопримечательности, чтобы при случае блеснуть эрудицией (и не скучать).

– Ах ты, с-сука! – донеслось вдруг из теплой вечерней темноты. По-русски.

Внимание всех троих невольно обратилось в сторону, откуда прозвучал вопль. Возле третьесортного то ли бара, то ли кафе за пыльными кустами внезапно, как тропическая гроза, разразилась потасовка, завизжала женщина.

– Наших бьют! – взревел Эдик и решительно рванул к бару сквозь чахлый кустарник. Переглянувшись, Саша с Мишей помчались следом. Трое смуглых бенгальцев действительно наседали там на одного белого здоровяка у самого входа, что-то гортанно вопя. Тот не сдавался и щедро раздавал им плюхи, но силы были неравны.

– Остановите их! – истошно кричала то по-русски, то по-английски девушка в изящном легком платьице, сжимая в руках крохотную сумочку. – Дима! Дима!

– Уйди, Ира! – прорычал Дима, отправляя знатным ударом в нокаут одного из нападавших. Тот рухнул в пыль. Но из дверей кафе тотчас выскочили еще четверо бедно одетых местных, загомонили, направились к дерущимся, всем видом показывая, что своего земляка в обиду не дадут.

– А ну стоять! – рывкнул Эдик, появляясь из темноты, как привидение.

– Fuck off! – заорал один из смуглокожих и кинулся к инженеру, доставая на ходу что-то из кармана.

– Зря-а-а! – вздохнул Эдик, встречая нападавшего ударом в нос. Брякнул по асфальту оброненный кастет, и гордый бенгалец в полуприседе с воем и со слезами покинул поле боя, держась обеими руками за лицо. Двое других, наседавших на Диму, опешили от такого

³⁵ Старинный форт, построенный в Дакке в XVII веке.

поворота событий, чем атакованный здоровяк незамедлительно воспользовался, отступив к неожиданно появившейся подмоге.

– Ша, я сказал, хуже будет! – рявкнул Эдик, тыкая пальцем в нападавших. – Stop right now, nobody needs problems, right? We just will left...

– Oh, really? – осклабился самый здоровый из нападавших. – Let's see what you have, big boy!³⁶

Драка возобновилась под вопли Иры и звуки разухабистого бенгальского рока. Разбуженные дракой обезьяны в ветвях деревьев у бара начали громко верещать, глядя на дерущихся. На стороне бенгальцев пока было численное превосходство, но у белых – два тяжеловеса (Эдик и Дима), а также опытный каратист Миша и любитель-рукопашник Саша. Бенгальцы быстро вышли из строя – двое отправились в нокаут, еще одному (доставшему нож) сломали руку, а самого горячего и громогласного забияку, норотившего подобраться к русским вплотную с ножом, Эдик просто схватил за шиворот и швырнул в окно. Выбив собой стекло, тот с верещанием исчез из виду, продолжая, однако, орать уже внутри здания, где почти сразу что-то с грохотом упало. Судя по звуку, холодильник. Трое оставшихся аборигенов после этого позорно сбежали с поля боя под вопли обезьян.

Ира по инерции продолжала орать:

– Дима, прекрати!

– Так низость голую я прикрываю лохмотьями священных ветхих текстов и, сердцем дьявол, выгляжу святым, – зловецким тоном изрек Саша, указывая пальцем на поверженных противников, валявшихся в пыли.

– Кончай цитировать мистера Вэ³⁷, а! – попросил Миша, растирая ссаженные после удара по чьей-то физиономии костяшки правой руки. – Фильм хорош, но ты уже третий день цитатами из него сыплешь!

– Это Вин Дизель? – понимающе спросил Дима.

– Это Шекспир, – возмутился Саша.

– Валим отсюда, ребята! – приказал осматривающийся по сторонам Эдик. – Щас тут полиция будет. Или наши друзья с подкреплением.

– Спасибо, ребята! Ира, заткнись, б...я, из-за тебя все и началось! О, парни, вы как насчет выпить за знакомство?!

– Мы пас, – поспешно ответил Саша. Издалека раздавался приближающийся вой сирены. – Дальше вы сами, у нас по расписанию просмотр новостей и кефир! Валим, парни!

Друзья бросились в противоположную сторону, рассчитывая затеряться в лабиринте улиц прежде, чем их настигнет полиция или дружки тех искалеченных буянов из бара. Про Иру и Диму больше заботиться не было нужды – сами о себе позаботятся, если не полные идиоты.

Хотя в этом все трое серьезно сомневались: кто еще из туристов в здравом уме попрется тут вечером в трущобы один, да еще с белой женщиной в столь легкомысленном платье...

– Вроде оторвались! – воскликнул Миша.

Они нырнули в темный проулок и выскочили на оживленную улицу, залитую светом витрин и рекламных вывесок. Прямо на двух темнокожих полицейских в бирюзовой униформе, куривших возле машины с мигалкой на крыше. И у них была маленькая переносная рация, что-то возбужденно гомонившая на местном языке.

Что-то очень нехорошее, судя по тому, как вытянулись их лица при виде троих запыхавшихся белых. Настолько нехорошее, что руки обоих полицейских сразу потянулись к кобурам пистолетов.

³⁶ – Остановитесь прямо сейчас! Никому проблемы не нужны, верно? Мы просто уйдем... – Че, правда? Давай посмотрим, что у тебя есть, большой парень! (англ.).

³⁷ Эту же фразу из пьесы У. Шекспира «Ричард III» в фильме «V значит вендетта» произносит во время рукопашной схватки главный герой, мистер Вэ.

– Stop! – заорал один из них.

– Да щас! – ответил Саша, отворачивая от полицейских вправо и сразу придавая себе ускорение, достаточное для выхода на орбиту Земли. Миша и Эдик, не дожидаясь команды и не сговариваясь, рванули в противоположную сторону.

– I said «STOP»!!! – воскликнул второй коп, увидев, что белые бросаются врассыпную. И тут же стрельнул в воздух. Грохот выстрела заставил прохожих шарахнуться и пригнуться, а Мишу, Эдика и Сашу лишь ускорил.

– Run! See you later!³⁸ – заорал Саша, прыгая, словно орангутанг, по крышам припаркованных вдоль улицы автомобилей. Так ему показалось проще, чем нестись через толпу. «Пять лет дадут!» – почему-то подумал он. «Нет! Шесть! За попытку побега!».

Грохот второго выстрела Саша расслышал, но значения не придал – пистолет и в умелых-то руках прицельно бил максимум на пятьдесят метров, а он уже отбежал от полицейских на все сто или больше. Прохожие с интересом глазели на белого, скачущего по крышам машин, но мешать не пытались. Даже явственно подбадривали воплями и свистом – такое шоу не каждый день увидишь!

– Good luck! – проревел издалека Эдик. – Move out of my way, boys!³⁹

Толпа расступалась перед ним. Полицейские, поразмыслив, бросились за Сашей, выглядевшим явно более легкой добычей – но куда там. Он ворвался в какое-то кафе, выскочил через черный вход на другую улицу и потом, путая следы, словно лиса, затерялся в соседних улицах и переулках. Тем временем Эдик с Мишей, путая следы, уходили в противоположном направлении.

Плюнув, полицейские вернулись к машине и сообщили о беглецах по радио:

– Трое белых, в гражданской одежде, ушли от преследования на улице Нараян.

– Прелестно, – прохрипела рация. – Возвращайтесь в участок. Черт с ними!

Глубоко за полночь Саша, изрядно попетляв по городу, добрался-таки до отеля и первым делом позвонил в номер Эдику:

– Вы как, на месте?

– Да, мы с Мишей в итоге разделились, он сюда на тук-туке⁴⁰ поехал, а я на такси.

– Красиво жить не запретишь!

– Кстати, у нас деньги за проезд же возвращают?

– Ты что, еще и чек в такси взял? – поразился Саша.

– Ага. Я им наличкой дал, но чек взял. Как ты учил.

– Псих. Попробую оформить, не потеряй до завтра. Миша вернулся уже?

– Рядом сидит. Пиво пьем. Заходи, у нас еще есть.

– С удовольствием.

– Кстати, у него тоже чек сохранился.

– Завтра, все завтра. Иду к вам, пива оставьте.

Он бросил трубку и перевел дух. Пронесло. Такого выброса адреналина он не испытывал со студенческих времен, когда прыгал с парашютом из старенького «кукурузника»⁴¹. Но сейчас, когда опасность миновала, Саша физически ощутил, как наваливается страшная усталость.

Он добрал до номера, где уже сидели Эдик и Миша, вылил себе в глотку бутылку отвратительного пива, и замер в кресле с блаженной улыбкой, чувствуя, как приходит долгожданное

³⁸ – *Бегите! Увидимся позже! (англ.)*.

³⁹ – *Удачи! С дороги, мальчики! (англ.)*.

⁴⁰ *Крытый трехколесный мотороллер или мотоцикл, применяющийся для перевозки грузов и пассажиров. В азиатских странах нередко используется в качестве такси.*

⁴¹ *Жаргонное название самолета Ан-2.*

расслабление. Мир стал загадочно прекрасен, хотя гироскопы в голове уже отказывали, и планета начинала потихоньку колебаться вокруг него.

– Ну, ты, Саня, красиво по машинам уходил! Прямо как в голливудском боевике! – воскликнул Миша.

– Немудрено. Вас двое, я один.

– Стреляли по нам, суки! – возмутился Эдик.

– Не по вам, а по мне! – назидательно ткнул Саша указательным пальцем в потолок. –

И то, в воздух.

– Два раза?

– Ну, типа того. Все по правилам. Два предупредительных! Дальше на поражение.

– Так за что, я не понял только. Что мы им сделали?

– Мирных жителей избили.

– Еще Эдик кем-то окно разбил, – добавил Миша.

– Я еще грохот после этого слышал. Кажется, он еще и холодильник им же уронил.

– К-к-к-омбо! – возвестил Эдик.

– Точно! Наливай!

Спать разошлись за пять часов до выезда.

Правда, Саша спал и того меньше. Едва он решил немного перед сном позалипнуть в телефон, как в мессенджер ему написала бывшая однокурсница Инна, у которой внезапно случился бурный роман, и ей почему-то прямо сейчас срочно требовалось выговориться. Хотя они уже не виделись много лет, но когда-то недолго встречались, и с тех пор, несмотря на расставание, сохранили теплые дружеские отношения. Что для Саши вообще было редкостью: если роман заканчивался, он обычно навсегда исчезал из жизни бывшей пассии, предпочитая не мозолить глаза. Но тут случай был иной.

– Понимаешь, он иностранец, – откровенничала девушка. – И это любовь с первого взгляда. У меня такого никогда ни с кем не было! Но я боюсь к нему туда ехать жить. А он настаивает. Требует практически. Он инженер, в России у него крупные контракты на строительство, но скоро ему уезжать домой, и без меня он ехать не хочет. И здесь жить тоже.

– Правильно опасаться, – флегматично сказал Саша. – Посмотри законодательство его страны. Признается ли брак, заключенный у нас, в его стране. Ну, и все остальное... Чтобы с голой жопой, случись что, не остаться.

– Да, я вот тоже думаю, что надо будет. Ты прав. Как ты там в целом?

– Да как. Летаю.

– А жена?

– Перезваниваемся, – предпочел не развивать большую тему Саша.

– Все нормально? Я слышу грустные нотки в голосе!

– Придет время, все расскажу. Ты в остальном как, если не считать твою... влюбленность?

– Любовь! – обиженно возразила Инна. – Да в остальном все так же. Работаю все там же, в рекламном агентстве. Живу там же. Все стабильно... Ладно, пойду спать, спасибо, что выслушал! Целую!

– Взаимно! – отключившись, Саша зевнул и уснул.

Утром, уже в микроавтобусе, Батя с сомнением посмотрел на сонные и помятые лица соратников и заметил:

– Прикиньте, утром телик включил, там сказали в новостях, что трое белых зачем-то избили целую толпу мирных жителей и разгромили бар.

– Ничего себе, – без энтузиазма удивился Эдик. – И много пострадавших?

– Трое. Хозяина бара еще, сказали, три раза в окно выбрасывали.

- На бис, что ль? – не удержался Саша.
 - История умалчивает, – пожал плечами Львович. В глазах его уже плескалось неприкрытое подозрение. – А вы вчера что делали-то?
 - Я Достоевского читал, – пожал плечами Саша.
 - «Преступление и наказание»?
 - Нет, «Бесы».
 - М-м... ну ладно. А ты, Миша?
 - Я правила перевозки опасных грузов повторял, – ухмыльнулся второй пилот. – Экзамен же на следующей неделе будет. И английский тоже на носу.
 - М-м. Эдик, а ты?
 - Этикетки на бутылках читал, – с самым серьезным лицом отозвался инженер. – Чтобы ненароком стекломой вместо пива не выпить.
 - Вот! Молодец, Эдик! Не то, что некоторые – людьми вон окна бьют.
- Границу проходили в некотором напряжении – а ну, как их фотороботы уже расклеены за ночь по городу? Впрочем, им повезло. Офицер пограничной стражи лениво пролистал паспорта, шлепнул печати и махнул рукой – мол, проходите.
- Друзья пересекли зону дьюти-фри (где Саша купил себе магнитик с видом Дакки, а Эдик с сомнением повертел в руках бутылку виски, но брат не рискнул). После чего белый грязноватый микроавтобус увез их прочь от стеклянного терминала к мирно дремлющему на стоянке «Веселому Роджеру».
- Часом позже грохот его двигателей стих в облаках, заволакивавших Дакку. Еще через десять минут проливной дождь хлынул на улицы города.

Глава 5. Танцы с бубном.

– И как мы эту радость грузить-то будем? – с сомнением спросил Эдик, глядя на ящик.

– Как раз думаю, – отозвался Саша, изучая на своем смартфоне объемистую инструкцию по перевозке грузов. Не очень удобно порой было листать ее на маленьком экране, зато не приходилось таскать с собой тяжеленный распечатанный талмуд.

– И что думается?

– Что у нас сегодня будет секс.

На главной палубе «Веселого Роджера» был всего один грузовой люк длиной три с половиной метра и высотой в два с четвертью метра. При погрузке следовало соблюдать зазор между грузом и срезом двери хотя бы в сантиметр, чтобы не повредить периметр двери. Соответственно, все, что было длиннее трех с половиной метров, нужно было загружать в самолет с разворотом на девяносто градусов.

Кто хоть раз заносил длинный диван или доски в квартиру из коридора через узкую дверь, да с поворотом – уже, наверно, примерно понял, о чем речь.

Ящик, стоявший перед ними, был почти четыре метра в длину, полтора в ширину и почти метр в высоту. И весил две с гаком тонны. Закатить его в отсек можно было только установив на паллете – но фирма-производитель грузового самолета не соизволила сообщить в инструкции, как же рассчитать возможность загрузки ящика в этом случае. Ящик мог упереться как углами в стенки отсека, так и паллетой – в ограничительные рельсы на полу. Головной офис по случаю ночного времени в Москве – хранил молчание. Кто-то из коммерсантов на основании непонятно каких вводных уже подтвердил заказчику, что два ящика они загрузят – и отказ от перевозки грозил колоссальной неустойкой. Правда, непонятно, знал ли коммерсант, что груз будет упакован в ящик. Это частенько меняло дело – неупакованные грузы сложной формы загружать было проще, чем прямоугольные ящики тех же размеров. Но последние было проще крепить – обхватил ремнями да сеткой, и все.

«Если верить таблице, то ящик с такими размерами через дверь проходит... но вот пройдет ли он, если мы его поставим на паллету...» – соображал Саша. Достав блокнот, он быстро набросал план грузовой палубы в районе двери, потом схематично начертил на нем груз в том же масштабе. «Предположим, что поставим по центру паллеты и начнем заводить вот так... и тогда упремся вот этим углом в стенку, а противоположный конец груза упрется в срез двери и не даст проверить ящик внутри самолета! Зараза!».

– Может, нам пока вот эти коробки собрать на паллеты? – предложил инженер.

– Ты прав, – Саша захлопнул блокнот, решив пока отвлечься на более простую задачу и дать мозгу покрутить проблему на уровне подсознания. – Эй, Нараян, ты где?

– Тут, сэр! – вынырнул из сумрака светлокожий кареглазый индус-бригадир в растоптанных черных кроссовках, синем комбинезоне и оранжевой жилетке с надписью HANDLING на спине. Ну, как, светлокожий. Чуть светлее остальных. И росточком пониже Саши на пару дюймов.

– Начинайте комплектовать вот этот мелкий груз, – сказал Саша. – Две паллеты, масса каждой не более двух тонн. Если будут места тяжелее пятисот килограммов, зовите меня, буду думать. Как соберете, проверь контур паллеты, вот тебе схема, – он достал из кармана своих брюк сложенный вчетверо лист бумаги, на котором был вычерчен контур груза с указанием предельных размеров.

Паллеты на борту «Веселого Роджера» располагались длинной стороной поперек фюзеляжа, и контур груза на них ограничивался стенками грузовой кабины. Чтобы разместить груз в кабине, следовало уложить его на паллеты так, чтобы он повторял полукруглые обводы фюзеляжа.

ляжа. Любой выпирающий за границы допустимого контура ящик мог сделать загрузку невозможной, воткнувшись в стенку отсека. А то и повредив самолет.

– Груз сеткой вязать? – спросил Нараян, развернув листок и рассмотрев схему.

– Сначала мне покажете, проверю. Потом да, сеткой и ремнями.

– Да, сэр, – Нараян исчез за ящиками, и тут же по складу раскатились его зычные команды на хинди. Усатые темнокожие индусы в поношенной одежде, сверкая белками глаз, стекались из разных углов склада на голос Нараяна и начинали собирать груз на две паллеты. При этом они всем своим видом показывали, что находятся на крайней степени физического изнеможения и морального истощения, и оттого долго работать не смогут.

«Чтобы решить проблему, ты должен думать, как проблема, действовать как проблема, ты должен сам стать проблемой!» – вспомнил вдруг бортоператор шутку своего коллеги и усмехнулся. Потом присел на оказавшийся поблизости ящик, опять раскрыл блокнот и стал делать очередной набросок, соображая, как же загрузить самые большие места. Что так, что эдак – не было уверенности, что ящик войдет на борт.

Тропическая жаркая ночь вступала в свои права. К городу приближалась гроза – громадные черные тучи укутывали горизонт, и в их глубинах то и дело вспыхивали молнии. Саранча и жуки вились вокруг мачт освещения, увешанных прожекторами, что заливали перрон аэропорта желтым мертвенным светом. «Веселый Роджер» стоял прямо возле склада – большого прямоугольного здания из металлических конструкций, заполненного тут и там паллетами, мешками, ящиками, контейнерами, кое-где ярко освещенного плафонами под потолком, а кое-где и темноватого, провонявшего бензиновой гарью, человеческим потом, кофе, орехами, лекарствами и еще много чем.

«Нет, так тоже не пойдет... Хорошо, а если вот так поставить и сместить на несколько сантиметров...» – карандаш бортоператора порхал по листу бумаги, намечая положения груза при развороте паллеты в ходе погрузки на борт самолета. «Ага! Опять упрямся...».

Наконец, один индус подошел к бортоператору и знаком попросил воды.

– Эдик! – окликнул скучавшего инженера Саша.

– Ась?

– Выдай им пачку бутылок, пожалуйста. Там по шесть полторашек в пачке как раз.

– А. Ща.

Инженер сходил на самолет и принес с кухни бутылки с водой. Индусы тотчас прекратили работу и принялись жадно пить. Один знаком спросил, нет ли чего пожевать, но Саша отрицательно покачал головой. Всю еду, что привезли с собой из Дакки, они сразу по прибытии отдали тем, кто утром встречал рейс – чтобы не протухла на борту по жаре, пока борт будет стоять под лучами палящего солнца с неработающим холодильником.

– Так что там с ящиками? Берем? – еще минут через пятнадцать не выдержал Эдик. Строго говоря, на комплектации груза требовался только Саша, но без инженера нельзя было начать погрузку и заправку самолета. Поэтому и ему приходилось ждать, пока будет готов груз

– Я прикинул один вариант. Если не получится так загрузить, то будем ломать ящик и везти двигатели неупакованными.

– А так можно?

– Если не загрузим, как есть, то придется, – пожал плечами Саша.

– Понятно.

– Нараян! – крикнул бортоператор. Эхо прокатилось по складу: «...раян... аян... ян...».

– Да, сэр? – бригадир выскочил из-за ящиков, как черт из табакерки.

– Нараян, вызывай вилочный погрузчик, будем вот эти два ящика комплектовать.

– Да, сэр.

– Нараян, – с подозрением спросил вдруг Саша, – а где твоя бригада?

– Бригада, сэр?

– Нараян, полчаса назад я попросил тебя собрать две паллеты...

– Да, сэр, сейчас, сэр.

Грузчиков уже и след простыл. За спиной Саши стояла одна готовая паллета с мелкими коробками, и сквозь гул снующих где-то в глубине склада автопогрузчиков до него и Нараяна доносился дружный храп. Как раз из-за коробок.

– Я сейчас всех найду, сэр, они покурить пошли! – забормотал Нараян с неловкой улыбкой, качая головой из стороны в сторону. – Мы скоро, сэр! – бригадир всем своим видом показывал готовность всячески помочь этому странному белому в очках. На его английском это прозвучало как “*Me finding... They smoking... We coming, sir!*”.

– Нараян, никак, твои люди вздумали курить за грузом на моей паллете? – грозно поднял одну бровь Саша, толкнув коробку, стоявшую сверху, и та вдруг подалась, а потом – исчезла из виду, с шумом упав внутрь паллеты. Судя по звуку, на что-то мягкое, сразу прекратившее храпеть и начавшее глухо ругаться на хинди.

– Нараян, нехорошо... – покачал головой Саша и толкнул разом весь штабель коробок. Он завалился так же легко, как и первые коробки. Внутри паллеты раздались недовольные голоса, и из-под завалившихся коробок стали вылезать сонные грузчики.

– Нараян, твои люди построили из коробок детскую крепость и спят внутри паллеты! – возмутился Саша, качая головой совсем как индус – не вверх-вниз, а из стороны в сторону. – Нараян, я глубоко разочарован, мистер Шива тоже будет разочарован!

Лицо бортоператора выражало вселенскую скорбь. Мистер Шива был заместителем начальника грузового терминала, и одного движения его брови было достаточно, чтобы вся бригада лишилась неплохой – по местным меркам – работы.

– Не надо говорить мистеру Шиве, я их сам накажу! – умоляющим тоном выпалил Нараян и тут же отвесил смачного пенделя ближайшему грузчику, потом подзатыльник второму, после чего стал орать на остальных на хинди, потрясая кулаком. Те вяло оправдывались, потом принялись складывать коробки на паллету. На этот раз уже без ухищрений.

– Ленивые твари, – по-русски процедил сквозь зубы Саша, присаживаясь на ящик и доставая блокнот.

– Да тут всегда так, – отозвался Эдик. – «Сникерс» будешь?

– С удовольствием. Пойду, чаю заварю.

– Надо ВСУ запускать, чтоб чайник погреть.

– Да я термос с отеля притащил.

– А ты хорош!

Саша ходил на борт транспортника и вернулся с двумя стаканами чая – для себя и инженера. Сгрызли «Сникерс» на двоих, запили чаем, любясь саранчой, вьющейся над их головами вокруг мачт освещения, что стояли вдоль перрона. Гром ударил где-то над городом, белая молния на мгновение расколола небеса. В воздухе становилось чуть прохладней – гроза подходила к аэропорту, уже накрыв темной стеной дождя городские грязные окраины.

– Как думаешь, ливень долгим будет? – спросил Эдик.

– А черт его знает.

– Тогда надо борт закрыть. Как закончится, начнем заправку и погрузку.

За их спинами взревел двигатель вилочного погрузчика – большой красной машины с массивными передними колесами и подъемным механизмом в виде двух стальных вилок длиной около двух метров. Управлял машиной сам Нараян.

– Как ставить груз, сэр? – прокричал он.

– Строго по центру паллеты, – отозвался Саша, доставая рулетку и отмеряя один метр от края ящика. Там он поставил крупную, жирную засечку черным маркером. – Вот эта метка – по краю паллеты.

Нараян ловко подкатил к первому большому ящику, подцепил его вилами погрузчика и приподнял в воздух, после чего осторожно подрулил к паллете, лежавшей на тележке с роликами. Поверх паллеты уже были уложены деревянные балки, которым предстояло распределить давление от массивного ящика по рельсам и роликам на полу самолета.

– Стоп, Нараян, чуть вправо! – скомандовал Саша, увидев, что метка не совпадает с краем паллеты. Нараян, кивнув, дотронулся до одного из рычажков в кабине, и вилы с грузом медленно поползли вправо.

– Окей, Нараян, давай, ставь! – махнул рукой бортоператор.

Ящик плавно опустился на деревянные балки, и те слегка хрустнули под его весом.

– Вторую паллету так же, Нараян. И пусть твои начинают вязать этот ящик: три ремня вперед, три назад, четыре вверх.

– Да, сэр! – Нараян свесился из кабины, проорал что-то на хинди, тыкая пальцем в грузчиков, и двое из них неспешно потрусили к мешку с ремнями, что бортоператор заблаговременно выгрузил из самолета вместе с паллетами.

– Теперь вези его к самолету, будем грузить, – распорядился Саша, когда первый ящик был готов. – Эдик, вруби ВСУ ненадолго, пожалуйста, и открой грузолок.

Эдик вздохнул и пошагал по громыхающему трапу на борт. В блестящей обшивке «Веселого Роджера» отразилась еще одна молния.

...Грузились долго и мучительно. Ящик никак не хотел заходить в проем грузолока. То упрется при развороте в боковую рельсу паллета, то угол ящика в стенку. Пришлось вынимать, отвязывать и переставлять ящик на паллете, сместив на пару сантиметров от центра. Потом снова грузили. Тут уже пошло веселее – после пятнадцати минут напряженной работы, елозя паллетой туда-сюда и постепенно разворачивая груз, удалось-таки под матюки на трех языках вместить первый ящик с двигателем на борт. Второй, перекурив, загрузили даже быстрее. Потом пошли стандартные паллеты с коробками и мелкими ящичками. Еще через четверть часа все было загружено.

– Вот грузовые документы, – возник на кухне Нараян с кипой бумаг в руках. – Мы можем идти?

– Да, Нараян, спасибо, мистеру Шиве я скажу, что вы сегодня хорошо поработали, – пожал ему руку Саша. – Отдыхайте.

Рассыпавшись в благодарностях, Нараян исчез, оставив документы на кресле.

Четверть часа спустя плотная стена дождя подошла вплотную к аэропорту, и поднялся ветер. Саша торопливо закрыл грузовую дверь и, забрав рюкзак, где лежали его рабочий ноутбук и документы на груз, а также стакан крепкого сладкого чая, вышел на трап. Эдик уже ждал там, любуясь разъяренной стихией, накрывшей пригороды.

– Красиво, а? – восхищенно спросил он, когда ветвистая яркая молния рассекла небо-свод, осветив окрестности и отразившись в глянцево блестящей обшивке самолета.

– Еще бы, – оценил Саша. – Закроешь дверь?

– Без проблем? Опечатать?

– Не помешает.

Эдик закрыл входную дверь самолета и наклеил на ее край специальную бумажную печать с надписью «SECURITY». Отклеить ее можно было только разорвав. Вздумай кто открыть теперь дверь – печать бы сразу порвалась, и экипаж, прибыв на борт, сразу бы понял, что на борту кто-то был. Ну, или пытался туда проникнуть.

– Траповщик тут? – спросил Саша, спускаясь по грохочущему под ногами трапу. Отхлебнув чаю, он глянул на ожидавший у трапа экипажный микроавтобус – и тут нечто продолговатое с громким шелестом спикировало из глубин предрассветного неба и нырнуло в его стакан, разбрызгав темную сладкую жидкость по футболке и пыльным плитам перрона.

Саша обладал крепкими нервами (а еще изрядно устал, и потому был слегка заторможен). Только поэтому он не отбросил стакан, а спокойно посмотрел на нежданного гостя. Точнее, на его торчащую из стакана заостренное зеленое тело и две судорожно дергающиеся ноги с зазубренными голеньями.

– Закуска прилетела? – с интересом осведомился Эдик, глянув через плечо.

– Ну да, – невозмутимо кивнул Саша. – Судя по жопе, саранча.

– А она съедобна?

– Жареная вполне. С голодухи, наверное, и сырая пойдет, – закинув рюкзак на плечо, Саша свободной рукой достал громадного кузнечика из чая и посмотрел в его выпуклые ошалевшие глаза.

– Вкусный чай был, а, сучок корявый? – спросил он, сажая его себе на плечо. – Эдик, сфоткай нас, пока он не улетел.

– Ща, – инженер достал телефон и сделал несколько снимков. – И меня тоже зафотай!

– Ага, момент!

Саранча изумленно пялилась на двух странных людей, которые, посмеиваясь, фотографировались с ней на фоне самолета и грозы. Потом вдруг мощным прыжком покинула их и унеслась в темноту.

– Ладно, поехали, помоемся и позавтракаем... спать нам уже некогда, – сказал Саша, забираясь в выдавший виды экипажный микроавтобус. Эдик залез следов, захлопнул сдвижную дверь – и по крыше тотчас забарабанили первые крупные капли.

Дождь волной накрыл пыльный желтый мегаполис, пуская потоки грязной воды по улицам, вырывая из рук прохожих зонты и распугивая самолеты. Два снижавшихся борта ушли на второй круг и сели только со второй попытки, один четверть часа прождал на рулежке, пока улучшится погода, и можно будет взлететь, еще один доложил о малом остатке топлива – и сразу пошел на запасной аэродром. Начинался сезон дождей.

Микроавтобус с четверть часа петлял по городу, пока, наконец, не привез их в отель. До вылета оставалось уже не так много времени, поэтому они по пути решили сначала позавтракать, потом разойтись по номерам.

– You coming – you me calling, OK?⁴² – спросил водитель, сунув Саше визитку с телефонами.

– Ok, bro, no problem! Come here at ten o'clock, please.

– OK, OK, good luck!⁴³ – во все тридцать два зуба улыбнулся водитель, покачав головой, и растворился в стене дождя.

– А он умеет в падежи, – ухмыльнулся Саша.

– Как ты их вообще понимаешь? – удивился Эдик.

– У меня в школе так соседка по парте разговаривала.

В ресторане отеля был накрыт шведский стол – салаты, мясные блюда, несколько вариантов гарнира, соки, кофе, сладости. Эдик остался завтракать, Саша же, наскоро хлопнув чаю, ушел в номер и стал готовить документы.

⁴² *Сильно искаженное «Позвоните мне, когда придете» (англ.).*

⁴³ *– Не проблема, брат! Приезжай сюда к десяти. – Хорошо, удачи! (англ.).*

Глава 6. Хвостик.

Погода в Москве стояла хорошая – в холодном черном небе над Внуково сияли яркие звезды, а на востоке уже алела заря. «Веселый Роджер» встал на дальнюю стоянку аэропорта, на борт поднялись таможенник и пограничник, ежась от утреннего февральского холодка, проверили документы, после чего разрешили экипажу ехать восвояси, а грузовой бригаде – разгружать самолет.

– Здорово, парни! – притопал из офиса Сашин коллега, долговязый Олег. – Чего там привезли?

– Фигню всякую, – буркнул Саша. – Там нюансы есть, пойдем, покажу...

Вскоре, передав дела Олегу и попрощавшись с экипажем на выходе из здания аэропорта, Саша неспешно добрал до своего ярко-синего «Рено», припаркованного на стоянке неподалеку от терминала. Забросив чемодан в багажник, плюхнулся на жесткое сиденье.

– Ну, привет, Ричард, – шутливо потрепал он руль. – Скучал, поди, без меня?

Ехать по пустому МКАДу было одно удовольствие, особенно под бодрый рок – поэтому Саша выкрутил громкость на максимум и подпевал, борясь с накаत्याющей сонливостью. Солнце еще не встало, стояли сумерки, когда он свернул с Ленинградки на шоссе, ведущее к аэропорту. Метрах в ста впереди Саши неслись два желтых такси, далеко позади плелся сонный первый автобус. Саша встал в левый ряд, где асфальт был не так испещрен заплатками, глянул на часы – до дома оставалось несколько километров.

Фонари вдоль дороги почему-то не горели, и вся надежда была только на яркий свет фар, выхватывавший из сумерек серое дорожное полотно в такт бодрому голосу Айвена Муди⁴⁴:

*I've heard the rumors that the rumors all were true!
They may be looking for me (they may be looking for me.
But they're coming for you (but they're coming for you.
I'll paint a picture you can better understand
They promise diamonds (they promise diamonds!
But they pay in sand...⁴⁵*

Такси, шедшее впереди, внезапно резко вильнуло вправо, объезжая какое-то препятствие, и в мгновенном отблеске его фар Саша с ужасом увидел человеческую фигуру, сидящую у бетонного отбойника со склоненной на грудь головой, почти вплотную к полосе, по которой неслись автомобили. Впереди идущий, впрочем, газу только прибавил.

– Твою мать! – рывкнул Саша, резко нажимая на педаль тормоза. Шины противно завизжали, машина грузно присела на передние стойки, тщетно стараясь погасить скорость. К счастью, человек оказался чуть левее полотна дороги, и потому Саша на излете просто пронесся в полуметре от него.

Сонливости как не бывало. Едва «Ричард» остановился, бортоператор, включив аварийку, отстегнул ремень и выскочил наружу. Сердце со скоростью в сто двадцать ударов в минуту гнало кровь по венам, в голове лихорадочно теснились мысли: «Сбили? Кто? Давно? Жилетку сигнальную взять... Где аптечка?».

⁴⁴ Американский музыкант, вокалист группы *Five Finger Death Punch*.

⁴⁵ Песня *AfterLife* американской группы *Five Fingers Death Punch*. Примерный перевод песни автором книги: «Я слышал толки, что все слухи были правдой! Они могут искать меня, они могут искать меня, но они идут за тобой, идут за тобой! Я нарисую картину, которую вы лучше сможете понять: обещают бриллианты, обещают бриллианты, но платят песком...».

Глаза тем временем оценивали обстановку. У отбойника сидела прямо на холодной земле дама неопределенного возраста в грязной поношенной одежде. Даже отсюда в холодном утреннем воздухе ощущался исходящий от нее неприятный запах давно не мытого тела. Рядом с дамой стояла почти пустая бутылка дешевой водки. Ничто не говорило о том, что даму сбила или задела по касательной проезжавшая машина. Выглядело так, будто она просто присела отдохнуть посреди скоростного шоссе.

– Мадам, вы в порядке? – спросил Саша, открывая багажник и ставя знак аварийной остановки позади машины, чтоб не влетел в корму какой невнимательный торопыга. – Мадам! Подъем!

– Пошел ты... – прохрипело тело, подняв мутный взгляд на бортоператора и тут же опять уронив голову на грудь. Холод утра мгновенно разбавился адским перегаром. Давешний автобус, ехавший позади, теперь, тарахтя, пронесся мимо, а его водитель с недоумением посмотрел на мигающий аварийкой «Рено» и обоих собеседников.

– Подъем! – рявкнул звереющий Саша. – Живо!

Даже дотрагиваться до бродяги не хотелось, но и оставлять ее тут было нельзя – или насмерть тут и замерзнет, или ее таки собьет очередная несущаяся по шоссе машина.

– Я ща поплю... и сама... дойду, – доверительно сообщило тело, с трудом поднимая голову.

– Я тебе поплю! Вставай и иди сейчас, тут километр остался до терминала! – Саша сообразил, что дама, видать, из числа тех бродяг, кто по холодам тянулся к теплому зданию аэропорта и жил там до весны, если повезет. – Живей давай!!!

Ворча что-то невразумительное, мадам со второй попытки поднялась с земли и, пошатываясь, поплелась прямо вдоль отбойника к озаренному огнями терминалу аэропорта.

– Куда?! – взревел Саша. – На обочину иди!

Не оборачиваясь, дама показала бортоператору кулак с оттопыренным средним пальцем, и, пошатываясь, все же перешла дорогу – а там уже увереннее поплелась дальше по обочине, выписывая в пространстве синусоиду.

– Пьянь, бл...дь! – в сердцах произнес Саша и, закинув в багажник знак аварийной остановки, прыгнул за руль. Руки за те минуты, что он был снаружи, уже начали коченеть от холода, поэтому он врубил печку на максимум и до пола нажал педаль газа, стараясь поскорее доехать до дома. Проводил взглядом ковыляющую по обочине фигуру – вроде больше прилечь не пытается, идет. «Ну, и хрен с ней!».

В городке, как обычно, все обочины были забиты машинами. Сделав пару кругов по плотно заставленным улицам, Саша все же отыскал место для парковки рядом с занесенным снегом черным «Ленд Крузером», стоявшим тут еще с октября – видать, хозяева бросили машину в ближайшем к терминалу городке, чтоб не платить за такси и парковку в аэропорту, и улетели на всю зиму отдыхать в Таиланд или Вьетнам. На машине вырос уже чуть ли не полуметровый пласт снега и льда.

– Прости, Ричард, на гараж пока не хватает, постоишь тут! – потрепал руль Саша и, вытащив из багажника чемодан, побрел домой, с наслаждением слушая, как скрипит под ногами снег. На улице было пустынно. Впереди маячила неделя отпуска, – вот только чем заняться, он пока не придумал.

«Ну, с батей на даче поработаю... снег почищу, сарай поправим!» – решил он, выходя на перекресток, где сходились три улицы его микрорайона, и сразу же уловил краем глаза какое-то движение слева. Глянул туда – метрах в пятидесяти от него из кустов на слабо освещенную дорогу выбралась собака и потрусила к нему. Саша сразу каким-то звериным чутьем понял – собака измучена, хромотает на обе задние лапы, но при этом она не агрессивна и не опасна.

Это оказалась овчарка. Черная шерсть на впалых грязных боках, голове и морде, светло-коричневая и рыжая на животе и ногах, редкие седые шерстинки тут и там. Явно служеб-

ная – уверенно пошла к человеку, не боясь возможной агрессии, внешне довольно ухожена (несмотря на засохшую тут и там на шерсти грязь). Опять же, недешевый кожаный ошейник давал понять, что у собаки есть хозяин. Или был. «Таможенная? Полицейская?» – соображал Саша. «Адресника на ошейнике нет... плохо!».

– Привет, милый, – сказал он, присев на корточки и протянув собаке руку. Такая же овчарка когда-то была у его покойного деда. – Хотя нет, ты у нас леди, – мельком глянул он ей под брюхо и не обнаружив полагающихся кобелю причиндалов.

Собака обнюхала его ладонь и спокойно дала себя погладить по большой мохнатой голове.

– Ты потерялась? – спросил Саша, глядя собаку и соображая, как быть дальше. Та посмотрела на него – и вдруг, хромя, наострив уши, потрусилась к двум молоденьким девчушкам в огромных цветастых пуховиках, вышедшим из ближайшего подъезда. Те, увидев подбегающую собаку, завизжали в голос.

– Фу! – крикнул Саша, бросаясь к собаке. – Гайка, ко мне! – назвал он первое попавшееся имя. Собака удивленно обернулась и с готовностью во взгляде похромала к нему.

– Рядом! – приказал Саша. Овчарка послушно потрусилась рядом. Саша медленно направился к своему подъезду, прокручивая в голове план действий.

– Похоже, я нашел, чем заняться! – сказал бортоператор, входя в лифт. Собака вопросительно посмотрела на него.

– Будем искать тебе новый дом. Мой тебе понравится, но ненадолго.

Ввалившись в свою скромно обставленную съемную однушку на шестом этаже, Саша расстелил на полу в прихожей валявшуюся в шкафу армейскую плащ-палатку и разрешил собаке:

– Заходи! Место!

Собака, сообразив, что ее никто не прогоняет, незамедлительно плюхнулась на плащ-палатку и с интересом посмотрела на спасителя.

– Я щас тебя вымою, посплю, а потом поедем тебя обследовать в ветеринарку. И хозяина искать. Как тебя зовут?

Собака вывалила язык и тяжело задышала.

– Не. Имя «Гайка» тебе не идет. Будешь Берта. У немцев пушка такая была. Большая Берта. А ты немецкая овчарка, большая, – погладил он ее. – Место!

Через каких-нибудь двадцать минут он уже спал крепким сном, даже не почувствовав, как наспех отмытая от уличной грязи овчарка тихонько перешла из коридора в комнату и доверчиво легла вплотную к его кровати.

– Ну, вот, значит, объявления мы расклеили про тебя по окрестностям, и в интернете написали, где смогли! – пояснил Саша, когда стемнело, и они после визита в ветеринарную клинику, покупки поводка и намордника, а также прогулок вдвоем по городку ужинали на кухне. – Ветеринар сказал, все у тебя нормально, глаза только прокапаем, да и все...

Собака лежала у стены, внимательно глядя на ложку в Сашиной руке и принюхиваясь к вкусному запаху котлет, лежавших на тарелке перед ним. Гулять ей с Сашей определенно нравилось – он отдавал ей простые и понятные команды, и она все понимала.

– Не-не-не, котлеты я тебе уже дал...

Мелодия телефонного звонка перебила его на полуслове. Саша глянул на экран, где высвечивалось имя абонента, и помрачнел, но все же ответил:

– Да, слушаю.

– Привет, – нерешительно сказал мягкий женский голос. – Как дела?

Года три назад он был счастлив слышать этот голос. Два года назад – рад, что его обладательница приняла его предложение руки и сердца. Год назад слегка недоумевал, какого черта с ней связался. А вот последние три месяца – звонки от нее не предвещали ничего хорошего. С

того самого дня, как он собрал вещи и холодным снежным ноябрьским утром ушел на работу, чтобы никогда к жене больше не вернуться. С той поры она превратилась для него просто в женский голос в телефонной трубке, раз в неделю предлагавший встретиться, поговорить и начать все сначала, либо рыдавший и проклинавший его.

– Нормально, – сухо сказал Саша. – Привет. Что стряслось?

– Когда ты вернешься?

– Я уже вернулся.

– Ко мне.

– Никогда. Мы подаем на развод. Я снял квартиру, живу тут один, и вполне счастлив.

– Ну, Саша... послушай... Хочешь, я к тебе приеду поговорить?

– Женя, никаких «послушай», – сухо перебил ее Саша. – Это бессмысленно. Когда ты можешь приехать в загс для подачи заявления?

– Я работаю вообще-то! – в голосе жены зазвучали злость и металл. – С девять до полшестого! И отпрашиваться не буду.

– А я вот бездельничаю дни напролет! – ухмыльнулся Саша, подавая Берте последнюю котлету. Аппетит со звоном жены пропал уже окончательно – а вот собаке угощение пришлось по нраву. Она вежливо взяла котлету с ладони и аккуратно съела.

– Ты сам выбрал эту работу, а я тебе предлагала в банк менеджером пойти! – взорвалась жена. – Сейчас бы отделом руководил! Нравится в свой аэропорт ездить – ездил. Все равно ко мне вернешься!

– К тебе и твоим родителям? – ехидно отозвался бортоператор. – Ты ж с родителями до свадьбы жила, и после свадьбы, и сейчас живешь. Батя твой все вечера телик смотрел и меня жить учил, мать поддакивала, а ты по субботам ныла, что я сплю допоздна. О, да, мечта, не жизнь! Прямо бегу – волосы назад! – воскликнул он, воздев очи горе. Собака с недоумением воззрилась на него, видимо, поняв, что Саша уже на взводе.

– Я тебе уже объясняла! Если снимать квартиру, мы так никогда на ипотеку не накопим! – в голосе жены слышались всхлипывающие нотки. – Это ж дорого! А так бы через два года...

– Через два года такой жизни у меня уже не встанет, – зевнул Саша с присущей ему прямоотой. – Постоянно теща и тесть дома. Не хочу. Пошли в загс, разведемся, и дальше живи как хочешь. Делить нам вроде нечего...

«Ох, и зря я это сказал! – запоздало мелькнула мысль. – Деньги ж, что нам на свадьбу все надарили, пополам лежат в разных банках, ее это еще тогда бесило!».

Оказалось, не показалось:

– Если ты не можешь потерпеть немного до ипотеки, как ты собирался с ребенком потом жить? Инфантильный придурок!

«Логика просто железная!» – про себя ухмыльнулся Саша. Вслух же ответил:

– Давай живее решай насчет загса, дорогая. Мне надоело жить в статусе женатого человека, я хочу разврата, кутежа и купить себе коня. Позвони, как надумаешь, а то я в суд по месту прописки пойду, и нас разведут без твоего присутствия. Чао. Обнимаю.

Кнопку «Отбой» он нажал раньше, чем благоверная разразилась обиженным воплем. Вообще, он был не склонен к хамству, но ситуация с разводом зашла в тупик – жена давно откровенно саботировала его желание развестись и жить, как ему заблагорассудится.

Они познакомились еще в институте, когда он был на пятом курсе – ее факультет филологии располагался этажом ниже, и она перевелась к ним из другого вуза. Высокая, стройная, рыжая, кареглазая, симпатичная и немного загадочная – он поначалу стеснялся подойти, потом все же решился пригласить ее на свиданье. Раз, другой встретились – а потом как-то все сошло на нет. Она перестала звонить, он, зашивавшийся тогда между работой и подготовкой к защите диплома, решил, что не стоит дальше продолжать – и как-то незаметно перед самой армией сошелся с другой девчонкой. С которой расстался уже после призыва, случившегося

сразу после вручения диплома – подружка написала, что встретила другого, и просила не грустить по этому поводу: «...твоя настоящая любовь еще впереди».

Письмо то Саша сжег в курилке у казармы сразу после прочтения. Не сказать, чтобы он слишком расстраивался – в свои тогдашние двадцать три он вообще воспринимал подобные вещи спокойнее, чем многие другие. А вечером неожиданно прислала СМС та, рыжая с филфака, с которой он не общался на тот момент уже с полгода:

«Привет! Как дела?».

«Привет! В армии. В ноябре домой. Норм. Ты как?» – ответил он. Просто убить время.

«А где ты служишь? К тебе можно приехать?».

– Нахрена только... – саркастически спросил Саша, прочтя это сообщение, но все же напечатал в ответ: «Можно. В воскресенье встречи с родственниками разрешают. Представись двоюродной сестрой, а то не пустят. Адрес ща пришлю».

Благо, служил он в Подмосковье, а она всю жизнь жила в Москве.

Она неожиданно приехала в одно из воскресений, и, судя по глазам и улыбке, была очень рада его видеть. Он тогда почувствовал, что все еще очарован ею, и поддался соблазну продолжить общение. Переписки возобновились, и она даже несколько раз присылала ему посылки со всякой полезной и вкусной всячиной.

Он не спрашивал, куда она пропала год назад, и как шла ее жизнь. Собственно, она тоже. Просто сошлись два одиночества: она решила, что он хорош в роли ее спутника жизни, вроде как даже управляем и внушаем, а он оказался слишком воспитан и ленив, чтобы хорошенько взвесить все за и против, а еще в глубине души боялся одиночества. После армии они снова стали встречаться, и вскоре Саша предложил ей стать его женой.

Она согласилась:

– Только до свадьбы жить не будем вместе. Мои родители очень строгие. Не поймут.

Влюбленный Саша тогда согласился.

– И давай у моих родителей дома поживем после свадьбы. Аренда квартиры дорогая, а так на ипотеку быстрее накопим... У них двухкомнатная, как у твоих, места хватит.

Саша, скрепя сердце, и на это согласился, хотя его отец, отставной офицер, предупредил сына:

– Мой отец в свое время в приймаки пойти отказался. Так себе идея. Подумай, Саня!

– Да переживем как-нибудь, – отмахнулся тогда от родителя Саша. Хотя и предложил ей отчасти в шутку, а отчасти всерьез:

– Может, лучше поживем у моих?

– Нет! – возмутилась она. – Я в Москве работаю, а ездить далеко!

– Так и мне далеко! От твоих до аэропорта – даже дальше, чем от моих!

– Я могу похлопотать, тебя в наш банк возьмут. Сначала, конечно, простым менеджером. Английский у тебя хороший, можно будет быстро продвигаться...

– Нет.

– Почему нет?

– Я летать мечтал всегда. Неудобно мне там будет.

– А почему тогда тебе должно быть удобно, а мне нет?

Он тогда лишь ухмыльнулся, хотя стоило бы насторожиться. Его тянуло в небо, к самолетам и приключениям – а не к скучным банковским контрактам и размеренному рабочему дню. Он попытался ей это как-то разъяснить, но она слушать не стала:

– Блажь это все. Ну, нравится – работай, но не жалуйся, что не высыпнешься, и все такое.

Поначалу работал Саша в пятидневку, как и она. Тогда все вроде нормально было, хотя и приходилось вставать рано (а он всегда был совой, любил поспать подольше) – а потом у него начались полеты и командировки. Жена сначала ворчала, потом возмущалась – а дальше и вовсе устроила скандал, когда он посреди ночи уезжал с чемоданом на рейс:

– Спать не даешь! Задолбал! Мамин юбилей пропустишь! Не высыпнешся, и нам всем не даешь!

– Вот именно! – выглянул из своей комнаты тесть, бритоголовый пожилой крепыш, смахивавший лицом на киноактера Эда Харриса.

– И вам всем доброй ночи, – кивнул Саша, открывая дверь квартиры. – Извиняйте, что разбудил...

Перед вылетом он ссориться точно не собирался. Вернувшись же через недельку, он обнаружил, что собранная им когда-то редкая пластмассовая модель самолета с книжной полки пропала.

– Я ее уронила, и она вдребезги разбилась, – пожала плечами жена. – Решила, что уже все, и выбросила обломки.

Саша ничего не сказал, но, как говорится, галочку себе в памяти мысленно поставил.

В другой раз скандал последовал тогда, когда прямо с рейса он после командировки поехал не к ней, а в подмосковный городок, где жили его родители, и провел там подряд несколько дней. Уже тогда он чувствовал, что кризис в отношениях достиг пика.

– Если б я жила с тобой отдельно, то к родителям ездила бы раз в месяц! – в сердцах заявила ему она, когда он наконец приехал к ней домой. – А ты каждую неделю ездешь!

– И чего? – не понял Саша, разуваясь.

– Ничего! Где кольцо?! – вдруг зашипела она, увидев, что на его безымянном пальце нет кольца.

– Забыл дома.

– Забы-ыл? – голос супруги стал выходить на высокие обороты. – А, может, специально не надел?! Телок клеить?!

Саша пропустил вопль мимо ушей. Он и правда просто забыл надеть обручальное кольцо, лежавшее на столе у компьютера, когда собирался уезжать от родителей. Но он и так не придавал особого значения этому украшению. Пока они встречались и жили вместе, он даже не смотрел на других женщин вокруг. Но что толку объяснять ей, ежели она уже настроилась на скандал?

– Соль не рассыпала тут часом, пока я ехал? – ехидно спросил бортоператор, снимая куртку. – Примета есть такая, соль рассыпать – это к ссоре.

– Реже надо ездить! Чего ты там забыл у родителей? – появился тем временем в коридоре тесть. Ни «здрате», ни «как дела» – сразу перешел к поучениям. – К брату на могилу все ездешь? Так его не вернешь, пару раз в год хватит! С женой времени побольше проводи! Твоя семья теперь тут!

Что они там дальше ему говорили, Саша не запомнил. Криво ухмыльнувшись, прошел в комнату. Он бы сюда уже и не приезжал, если по чесноку, но в столе лежали кое-какие бумаги и чеки с прошлых рейсов, которые уже надо было сдать в бухгалтерию для отчетности. Поэтому Саша с необычайной для себя холодностью решил – хрен с ним, поспит ночь в этой квартире, с вроде как еще родственничками, а утром уедет на работу и никогда больше сюда не вернется. Хотя им об этом решении пока знать и необязательно.

– Ужин на плите, – сказала вслед жена.

– Я не голоден. «Опять ваши сосиски с макаронами жрать...» – с ненавистью подумал он. Пробовал было по первости сам что-то готовить, или предлагать хотя бы идеи других блюд – встретили сии поползновения в штыки, мол, неэкономно это, и что ты, Сашенька, невкусно теща готовит что ли? Вон, из-за тебя теперь проплакала весь вечер в комнате, и настроение испортил ей на неделю... все едят, и ты б поел!

– Мама старалась, готовила! – метал в голосе жены мог уже пробивать танковую броню.

– Спасибо, это меняет дело, – сарказм в голосе он скрыть не сумел. Забросив документы в рюкзак, подумал грешным делом, не сунуть ли туда же и пару рубашек из шкафа, но решил не палиться. – Чая хватит. По пути печенюку съел. После шести жрать вредно.

Помыв руки, он заварил себе чашку зеленого чая – специально когда-то покупал на развес во время командировки в Пекин, – и в полном одиночестве сел у окна на кухне, глядя в окно на залитый огнем фонарей проспект, по которому изредка проезжали одинокие машины. Унявшаяся семейка жены его не трогала – как обычно, пялились в телевизоры по комнатам.

Брата младшего внезапно не стало, когда сам Саша служил в армии – благо, часть стояла недалеко от дома, и командир отпустил его на похороны. Сердце братишки с детства было проблемным, и ушел он на тот свет очень быстро. И с тех пор, дембельнувшись, бортоператор действительно раз в неделю заезжал на родную могилку – не мог иначе. И родителей боялся с тех пор потерять – чего уж там.

Ночью успокоившаяся была жена прильнула к нему под одеялом:

– Прости меня. Сама не знаю, что нашло. В отпуск нам надо...

«Или тебе – к экзорцисту!⁴⁶» – чуть не ляпнул вслух засыпающий Саша. Теплая рука жены тем временем ласково скользнула к низу его живота:

– Я соскучилась по тебе!

– Не хочу, устал... – промычал он, отворачиваясь. Оскорбленная отказом жена тоже повернулась к нему спиной и, беззвучно всплакнув в подушку, с трудом уснула. Сам же Саша провалился в сон мгновенно, не чувствуя никаких угрызений совести.

Чувства его к жене из-за их постоянных ссор за последние несколько месяцев угасли, как пламя костра на резком ветру. Чужая отныне женщина носила теперь его фамилию и звонила узнать, как у него дела, а его все меньше интересовало, как проходят ее дни, и что творится у нее в душе. Да и не хотелось с ней теперь делиться мыслями и тревогами. Канули в небытие их беседы о том, о сем допоздна, прогулки под луной, посиделки в кафе, растворились в пустоте и затихли навеки признания в любви. Зато обострились придирки с ее стороны по мелочам и попытки его переделать, обтесать под свой уютный бездушный идеал. Здесь, в этом доме, он теперь чувствовал себя чужаком, а домой к родителям сейчас не ехал только потому, что «Ричард» стоял у дома родителей и ждал запчасть для ремонта, а на последнюю электричку в свой город он в тот вечер не успевал, и на такси было жаль денег. Да и ехать от дома жены до работы было, в принципе, столько же, сколько от родителей.

⁴⁶ Специалист по изгнанию демонов из бесноватых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.